

Фридрих
НЕЗНАНСКИЙ

Тень Сохатого

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Тень Сохатого

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Тень Сохатого / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

На светской вечеринке в Российском сообществе предпринимателей происходит беспрецедентный случай. Один из самых богатых и уважаемых бизнесменов страны Генрих Боровский расстреливает в упор своего лучшего друга и делового партнера Олега Риневича. Расстреливает не таясь, на глазах у всех. Александру Борисовичу Турецкому предстоит выяснить мотивы этого жестокого и странного преступления. Чем дальше Турецкий углубляется в это дело, тем более загадочным оно становится. Судьбы страны и Генриха Боровского тесно переплетены. Докопаться до истины непросто, каждый факт жизни бизнесмена опутан прочной паутиной лжи. В конце концов Турецкий понимает: чтобы распутать это дело, ему придется рискнуть многим: на карту поставлена его собственная жизнь...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава первая	5
1. Фуршет	5
2. У генерального прокурора	10
3. Странный олигарх	12
4. Женская точка зрения	15
5. Бизнесмен Беглов	17
6. Королева красоты	20
7. «Важняк» Гафуров	24
Глава вторая	27
1. Проводы восьмидесятых годов	27
2. Деды	30
3. Схватка	32
4. Лазарет	34
Глава третья	36
1. Бизнесмен Ласточкин	36
2. Адвокатский ход	39
3. Изюм из булочек	42
4. Эстрадный номер	45
5. Депутатский запрос	48
6. Гафуров	51
Глава четвертая	52
1. Телки	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Фридрих Евсеевич Незнанский

Тень Сохатого

Глава первая

Убийство в «свете»

1. Фуршет

Убранство банкетного зала поражало своим великолепием. Все здесь, начиная от белоснежных мраморных колонн и кончая позолоченными канделябрами, развешанными по стенам, подчеркивало состоятельность хозяев и гостей.

Между солидными мужчинами, одетыми в великолепные, с иголки смокинги и белоснежные рубашки, между их подругами и женами, нарядившимися по случаю праздника в свои самые лучшие и самые нарядные платья, сновали подобострастные и улыбочивые официанты с серебряными подносами, на которых искрились, подобно маленьким салютам, высокие фужеры с игристым шампанским.

Здесь собрался весь цвет российской бизнес-элиты, в том числе и те, кто совсем недавно сменил малиновые пиджаки на итальянские костюмы, блатную феню на деловой английский, а вошедшие в анекдоты пресловутые шестисотые «мерседесы» на ультрамодные «бентли», «лексусы» и «феррари».

Хозяин вечера, председатель Российского сообщества предпринимателей Иван Сергеевич Беглов был седовлас и невысок ростом, однако благодаря ладной фигуре и прямой осанке выглядел он намного моложе своих пятидесяти трех. Держа в руке бокал с шампанским, он неторопливо беседовал с двумя коллегами-бизнесменами, и время от времени его смуглое лицо озарялось такой лучезарной улыбкой, которая сделала бы честь любому голливудскому герою-любовнику. (К слову сказать, Иван Сергеевич прекрасно знал, что некоторые женщины находят его похожим на Джека Николсона, и хотя внешне сердился, когда его сравнивали с этим знаменитым киноактером, втайне радовался сравнению и старался всячески соответствовать лстящему его самолюбию образу.)

– Вы правы, – кивнул он в ответ на реплику одного из своих собеседников, высокого блондина с неприятными тускло-голубыми глазами. – Время сейчас, конечно, не сахар. Но, с другой стороны, когда у нас в России хорошо жилось людям? – Он пожал плечами. – Мне кажется, никогда.

– Россия обречена на вечное отставание, – с нарочитой печалью в голосе произнес блондин. – По крайней мере до тех пор, пока у нас не появится развитое гражданское общество, состоящее из людей, сознающих свою ответственность за все, что происходит в стране. Пока мы, как и сто лет назад, уповаем на доброго царя-батюшку, ничего хорошего нас не ждет. И вообще, если вы хотите знать мое мнение, то...

Продолжая следить за ходом мыслей своего собеседника, Иван Сергеевич заметил возле барной стойки широкоплечую фигуру Генриха Игоревича Боровского, одного из самых богатых бизнесменов России, первого в круге олигархов, как лстиво и в то же время неприязненно называли его газеты.

В душе Ивана Сергеевича появилось неприятное чувство. Вызвано оно было тем, что олигарх Боровский выглядел... как бы это лучше сказать... Плохо? Да нет, не то. *Неестественно* – пожалуй, так будет точнее. В повороте его большой, красивой головы чувствовалось

какое-то напряжение. Даже нет, не напряжение, а скорей *напряженное ожидание* – так, пожалуй, будет вернее. Равно как и во взгляде черных, внимательных глаз, которые обычно с таким невозмутимым спокойствием смотрели на людей, что казалось, будто эти черные глаза сделаны из двух кусочков угля.

Обычно прямой и подтянутый Боровский стоял возле барной стойки ссутулившись. В правой руке он держал приземистый стакан с виски, в котором покачивались большие неровные куски льда. (Шампанское наши олигархи-нефтяники, прошедшие через огонь и воду на пути к успеху, не слишком-то жаловали, считая его напитком женщин и слабаков.)

«Словно ждет чего-то, – с неудовольствием подумал о Боровском Иван Сергеевич. – Странно... Надо бы к нему подойти, выведать, что к чему».

Но подойти к Боровскому никак не удавалось. Блондин продолжал излагать свои банальные рассуждения о судьбах России, а Иван Сергеевич, будучи человеком вежливым и светским, никак не мог подыскать подходящий предлог, чтобы избавиться от надоедливого собеседника.

Тем временем Генрих Боровский допил виски и, щелкнув пальцами, указал бармену на пустой стакан. Бармен кивнул, подхватил с полки бутылку «Чивас Ригала» и с щегольским мастерством наполнил стакан Боровского новой порцией льда и виски.

Время от времени к Боровскому подходили мужчины и женщины – одни, чтобы вежливо поздороваться, другие, чтобы перекинуться парой шуток или потрепать старого друга по плечу. Однако все они уходили восвояси, едва натолкнувшись на пылающий взгляд Боровского, и лица их при этом выражали полное недоумение и удивление. Да и как тут не удивиться – ведь Генрих Игоревич слыл в своем кругу одним из самых приятных, добродушных и остроумных собеседников. Он никогда не позволял себе хамства или грубости. Но сегодня с ним явно творилось что-то неладное.

А Иван Сергеевич продолжал наблюдать.

Вот к Боровскому подошла полногрудая, уже начавшая увядать красавица Инна Гагарина, подруга жены Боровского – Ляли. Платье от Вивьен Вествуд, золотистые, как у Барби, волосы, уложенные не кем-нибудь, а самим Сергеем Зверевым, – не женщина, а картинка. Гагарина чуть приобняла Боровского за талию и нежно проворковала:

– Генрих, привет! А где Ляля? Ты что, уже не берешь ее с собой на вечеринки?

Боровский оторвал взгляд от стакана, покосился на золотистую блондинку быстрым недобрый взглядом, угрюмо буркнул:

– Ляле нездоровится.

И снова отвернулся к стакану.

Не ожидавшая такого поворота Гагарина удивленно захлопала ресницами. Потом взяла себя в руки (чем-чем, а умением брать себя в руки могли похвастаться многие из присутствующих здесь женщин) и сказала все тем же доброжелательным, полушутливым голосом:

– Генрих, ты меня пугаешь. Надеюсь, с ней ничего серьезного?

Боровский нетерпеливо дернул плечом.

– С ней все в порядке, – раздраженно проговорил он. Затем, поняв, по-видимому, что переборщил, добавил чуть более мягким тоном: – Тебе не стоит беспокоиться, Инна. Правда. Ляля просто немного простудилась.

По пухленьким губкам золотистой блондинки пробежала юркая и тонкая, как змейка, усмешка.

– Ну-ну, – с иронией произнесла она.

Она убрала руку с талии Боровского, повернулась и пошла.

– Извини, – прошелестел ей вслед одними губами Боровский.

Гагарина не удостоила его ответом. Едва она отошла, как Генрих Игоревич тут же залпом допил свое виски и вновь подставил стакан под новую дозу.

С ним явно что-то творилось.

Наконец Ивану Сергеевичу, который не спускал с Генриха Игоревича встревоженного взгляда, удалось избавиться от своего занудливого собеседника, и он двинулся к Боровскому. Но не успел он сделать и двух шагов, как его взял под руку еще один партнер по бизнесу, добродушный толстяк Семенов, который помимо обширных капиталов славился еще и тем, что дарил каждой своей любовнице по большому бриллианту, а также своей способностью выпить литр водки, ничуть при этом не пьянея.

– Иван Сергеич, можно тебя на два слова? – пророкотал Семенов, отводя Беглова в сторону.

Иван Сергеевич сделал попытку высвободиться.

– Ты знаешь, я сейчас... – начал было он, но толстяк его перебил:

– Я тебя надолго не задержу. Я хотел кое-что уточнить по поводу тех польских контрактов... Ну, помнишь, о которых мы беседовали позавчера по телефону?

– Да-да, помню, – кивнул Беглов. – Но я ведь тебе, кажется, все уже сказал.

Семенов улыбнулся и покачал головой с таким энтузиазмом, что затряслись его толстые щеки.

– Они выдвинули более мягкие условия, – сказал Семенов. – Думаю, теперь нам с тобой стоит это дельце хорошенько обмозговать. Как считаешь?

Иван Сергеевич считал, что время для разговора выбрано не совсем подходящее, но он знал по собственному опыту, что из дружеских объятий Семенова не так-то легко вырваться.

– Может, обсудим это завтра утром? – сделал он последнюю попытку. – Я сейчас плохо соображаю. Шампанское ударило в голову. И вообще.

Но Семенов вновь тряхнул головой, явно не принимая в расчет выдвинутый Иваном Сергеевичем аргумент. Этот «человеко-слон», способный выпить и ведро водки, и представить себе не мог, что шампанское может ударить в голову.

– Завтра – это завтра, – резонно сказал Семенов. – А сегодняшние дела нужно обсуждать сегодня.

И Беглов смирился.

– Ладно, черт с тобой, – со вздохом сказал он. – Даю тебе пять минут. Если не уложишься, пеняй на себя.

Тем временем бармен вновь наполнил стакан Боровского. Несмотря на обилие народа, от гостей не укрылось странное поведение первого олигарха страны. Бизнесмены стали перешептываться, бросая на него косые, быстрые и нарочито рассеянные взгляды. Но Боровский, похоже, не обращал на них никакого внимания. Он был слишком поглощен своими мыслями. И в мыслях этих не было ничего хорошего.

Но вот он вздрогнул и, быстро подняв голову, глянул на вход в банкетный зал. Там появился новый персонаж. Это был Олег Александрович Риневич, давнишний друг Боровского и единственный человек, чьи капиталы журналисты смело сравнивали с состоянием самого Боровского. Риневич присутствовал на торжественной части, но затем вынужден был отъехать по какому-то срочному делу. Начало банкета-фуршета он также пропустил, но проигнорировать банкет полностью Олег Александрович, будучи по натуре сибаритом и бонвиваном, как видно, был не в силах.

Гости, расположившиеся неподалеку от входа в зал, приветствовали Риневича радостными возгласами.

– Ага, Олег Александрович! Не удержались?

– Так и знал, что ты придешь!

– Где шампанское, там и Риневич!

– Добро пожаловать на наш пикник!

Олег Александрович улыбнулся приветствовавшим его бизнесменам, многих из которых он знал еще со времен своей молодости, развел руками и весело ответил:

– Ну, ребята, куда же я без вас!

Проворный официант-разносчик тут же подскочил к нему со своим серебряным подносом. Риневич взял с подноса фужер с шампанским, тут же с кем-то чокнулся «за процветание России», отхлебнул шампанское и, продолжая улыбаться, пробежал взглядом по залу, явно кого-то выискивая. Взгляд Олега Александровича остановился на Боровском, и на щеках его выступил легкий румянец.

Мгновение поколебавшись, он извинился перед своими собеседниками и медленно двинулся к Боровскому, держа в руке фужер с шампанским.

Если бы Риневич обернулся, он бы увидел, каким встревоженным взглядом провожает его Иван Сергеевич Беглов, прижатый к стене толстяком Семеновым, который что-то с жаром ему доказывал. Возможно, этот взгляд остановил бы Риневича или хотя бы задержал его. Но Олег Александрович не обернулся. Он по-прежнему шел к Боровскому; причем румянец на его щеках стал гуще, а серо-голубые глаза заблестели каким-то особым блеском, в котором было и смущение, и лукавство, и дерзость, и еще много чего, о чем присутствовавшие в зале гости не могли даже догадываться.

Иван Сергеевич Беглов, интуиции которого мог бы позавидовать самый лучший сыщик, сделал последнюю попытку отстранить от себя Семенова, сказав ему:

– Ну, брат, ты меня совсем придавил. Пойдем-ка с тобой к барной стойке, там и поговорим как следует.

Но толстяк был слишком увлечен изложением своего бизнес-проекта, чтобы обратить внимание на реплику Беглова.

Тем временем Риневич подошел к Боровскому и, остановившись в шаге от него, громко и с улыбкой произнес:

– Геня, здравствуй! А ты почему один? Не нашел себе достойную компанию?

Боровский медленно повернул голову и уставился на Риневича таким взглядом, словно увидел перед собой покойника. На его щеках сквозь смуглость кожи проступила бледность. Красные губы дрогнули. Но Риневич, казалось, не замечал случившейся с другом метаморфозы.

– А где твоя благоверная? – весело продолжил он, окидывая взглядом зал.

– Ее нет, – ответил Боровский тихим и каким-то сиплым голосом.

– Вот как? – поднял белесые брови Риневич. – Никак поссорились? Ну ничего, Геня, не грусти, помирись еще. Какие ваши годы. За вас!

Риневич отсалютовал другу фужером с шампанским, затем запрокинул голову и вылил шампанское в рот. Потом достал из кармана платок, промокнул губы и весело посмотрел на Генриха Игоревича.

И тут с Боровским случилась еще одна метаморфоза. Его красивое и упитанное лицо вдруг осунулось, словно он разом, в один миг, похудел килограммов на десять. Бледность, покрывавшая щеки, разлилась по всему лицу. Боровский нахмурил черные брови, отчего поперек его переносицы прорезалась глубокая резкая морщина, и быстрым движением сунул руку во внутренний карман пиджака.

Риневич проследил за его движением и тоже побледнел.

В тот момент, когда Боровский достал руку из кармана, на губах Риневича все еще играла улыбка. Он не перестал улыбаться, даже когда увидел в судорожно сжатых пальцах Боровского маленький блестящий пистолет, направленный дулом прямо ему в живот. Он лишь легонько приподнял брови и спросил с прежней веселостью:

– Пистолет? А это для кого?

– Для тебя, – ответил Боровский. – Сейчас ты умрешь, и я хочу, чтобы ты это осознал.

– Осознал? – удивленно переспросил Риневич. – Осознал что?

– Что сейчас для тебя все кончится, – жестко сказал Боровский. – Это последние секунды твоей жизни.

Риневич посмотрел на пистолет, затем перевел взгляд на Боровского. Улыбка медленно сползла с его лица.

– Но это какое-то безумие, – тихо проговорил он. – Может, нам лучше поговорить?

– Прощай, – холодно сказал ему Боровский и, не сводя с лица Риневича прищуренных злых глаз, трижды нажал на спусковой крючок.

Пистолет пролаял три раза. Затем пальцы Боровского разжались, и пистолет с глухим стуком упал на пол. Генрих Игоревич развернулся и быстро двинулся к выходу, не обращая внимания на крики мужчин и визг женщин. Он шел к выходу уверенной, твердой походкой, как человек, сделавший сложную и важную работу, от которой на душе у него стало легче.

2. У генерального прокурора

На столе генерального прокурора Колесова лежала развернутая газета. В глаза бросался жирный заголовок: «Олигарх убивает олигарха». И ниже чуть менее броским шрифтом: «Кто или что за этим стоит?»

Генеральный прокурор пристально посмотрел на Меркулова, затем мотнул головой в сторону газеты, лежащей на столе, и сказал:

– Читал?

– Эту нет, – ответил Меркулов. – Но вообще я в курсе. Нынче все газеты об этом пишут.

– И не только газеты. Сегодня только ленивый об этом не говорит.

Константин Дмитриевич сидел в кабинете генпрокурора, откинувшись на спинку стула и упершись широкой ладонью в край стола, словно приготовился при первом же удобном случае вскочить со стула и выбежать из кабинета. Или предпринять какие-то меры для собственной самообороны. В последние недели Меркулов чувствовал себя в кабинете начальника неуютно. И не только потому, что Колесов все меньше усилий прилагал для того, чтобы умирять свои пресловутые вспышки гнева (об этих вспышках знали все подчиненные генпрокурора). Ему не нравилась новая привычка Колесова пристально смотреть на собеседника и затем (словно генпрокурор вспоминал о чем-то важном и крайне неприятном) резко отводить взгляд, прятать его в прищур жирных век, под темные кустистые брови.

Вот и сейчас Колесов вдруг отвел взгляд от лица Меркулова и уткнул его в газету. Затем вздохнул и удрученно покачал головой:

– Совсем уже обнаглели, сволочи. Мало того что страну обворовали, так теперь начинают отстреливать друг друга прямо на улице. Они что, черт побери, считают, что здесь у нас Дикий Запад? Ну как ты мне это объяснишь? Что, совсем у них крыша едет от их миллиардов?

Меркулов пожал плечами.

– Не знаю, Вадим Степанович, – дипломатично ответил он. – Для того чтобы строить догадки, у меня мало информации. А говорить просто так не хочется.

Генпрокурор недобро усмехнулся:

– Мало информации? А это тебе что, не информация? – Он ткнул толстым пальцем в газету и снова уставился на Меркулова недобрым взглядом. – Ты знаешь, что у меня с самого утра телефон не замолкает? Вот только сейчас велел ни с кем меня не связывать, чтобы с тобой поговорить!

– Могу себе представить, – отозвался Меркулов.

Генпрокурор криво ухмыльнулся и покачал головой:

– Это вряд ли. Чтобы понять, нужно хотя бы день побыть в моей шкуре.

– Мне и в моей неуютно, – с грустной иронией сказал Меркулов.

Генпрокурор посмотрел на него и вдруг улыбнулся:

– Н-да, Константин Дмитриевич, дела. Если так пойдет и дальше, нам с тобой некого будет сажать. А может, вместо того чтобы собирать доказательную базу, займемся выдачей лицензий на отстрел олигархов? А? Как тебе моя мысль?

– Мысль интересная, – ответил Меркулов. – Только вряд ли там... – он поднял палец кверху, – ...ее поддержат.

– Как раз там от нас с тобой ожидают самых решительных действий, – возразил Колесов. – Ладно, Константин Дмитриевич, хватит лирики. Совершенно убийство. Наглое, откровенное убийство. Из разряда тех преступлений, которые мы обычно называем вызовом обществу. И убийца должен быть наказан самым жестоким образом. – Колесов сделал паузу и продолжил: – Однако общество, которому мы с тобой служим, ждет от нас четкого и ясного ответа. За что один олигарх убил другого? Что послужило причиной? И не является ли это убийство лишь

началом каких-то непонятных и неприятных для нас событий? Короче, хватай за эту ниточку и тяни, пока не размотается весь клубок.

Меркулов слушал прочувственную речь генпрокурора внимательно и серьезно, хотя, честно говоря, его с души воротило от этих банальностей и пафоса. Ясное дело, что преступление нужно расследовать. К чему вся эта болтовня?

– Кому поручить дело, Вадим Степанович? – спокойно спросил он.

Генпрокурор задумчиво нахмурился. Потом сказал:

– Думаю, это дело лучше всего поручить Турецкому. У него большой опыт по части общения с олигархами. Вот пусть и занимается Боровским. Под вашим контролем. Только чтоб не рассусоливал там... Мы не вправе тянуть. Общество ждет от нас четкого ответа.

И он значительно посмотрел на Меркулова. И генпрокурор, и его заместитель прекрасно понимали, о каком обществе идет речь.

3. Странный олигарх

– ... Дело о неуплате налогов, – закончил Меркулов начатую фразу. – Этот чудак на букву «м» и так был под следствием. А теперь к прежним обвинениям добавилось новое. Какого черта ему понадобилось это публичное убийство, непонятно.

– Может, нервишки сдали? – предположил Турецкий, лениво пожимая плечами.

Меркулов недовольно поморщился:

– Да не похож он на невротика. Чтобы такие миллиарды зарабо... заграбастать, знаешь, какая воля нужна?

– Ты вроде хотел сказать «заработать», а не «заграбастать», – заметил Александр Борисович.

– А поди знай, сколько там заработанного, а сколько – просто украденного, – сказал Меркулов.

– Ну, тогда коки нанюхался, вот и померещилось ему что-то. Я слышал, у нынешнего высшего света кокаин снова в моде.

Меркулов отхлебнул чайку, поставил чашку на стол и сказал:

– Вот и выясни: что и как. В принципе, дело несложное. Если, конечно, не будешь копать слишком глубоко.

– Копаю как копается.

Меркулов усмехнулся:

– Да я не спорю. Просто надо без достоевщины и глубинных мотивов. Узнай причину – и этого достаточно. Только имей в виду, начальство с нас за это дело по три шкуры на день будет драть. Поэтому особо не затягивай. И с журналистами постарайся не встречаться. Сам знаешь, как они могут истолковать любое твое слово. Генеральный почему-то предложил мне довести до тебя свое решение, хотя вполне мог бы и сам. Ты же ведь его помощник. А не мой.

– Но по-прежнему под твоей рукой, Костя. В смысле, босс!

Меркулов вновь поморщился:

– Не юродствуй, Сань. И так тошно.

Турецкий чуть склонил голову набок и посмотрел на Меркулова лукавым взглядом.

– Чего это ты таким чувствительным стал? Стареешь, что ли?

– Может быть, – ответил Меркулов. – Но то, что не молодею, это точно.

Генрих Игоревич Боровский выглядел именно так, как представлял себе Александр Борисович. Его упитанное, лощеное и красивое лицо, которое так часто показывали по телевизору, немного осунулось, но практически не изменилось. Вот разве что стало чуточку бледнее, да в черных глазах, прежде таких уверенных и лучистых, появились растерянность и грусть.

Он сидел перед Турецким на стуле ссутулившись и сосредоточив взгляд на сложенных в замок руках, которые лежали на его коленях. Коротко стриженные, не по возрасту седоватые волосы были слегка встрепаны.

– Вы не курите? – спросил его Турецкий.

Генрих Игоревич отрицательно покачал головой.

– Не возражаете, если я закурю?

Боровский вновь покачал головой. Турецкий достал сигарету и закурил. Выпустил дым, пододвинул к себе пепельницу, внимательно посмотрел на Генриха Игоревича и спросил:

– Господин Боровский, вы себя хорошо чувствуете?

– Нормально, – ответил тот.

– У вас нигде ничего не болит? Вы хорошо выспались?

– Не болит, – ответил Боровский. – И выспался.

Турецкий выпустил дым и кивнул:

– Отлично. Тогда, пожалуй, приступим к разговору. Раз уж вы здоровы и в здравом рас- судке, вы наверняка понимаете, что то, что вы сделали, не укладывается ни в какие рамки.

Боровский прищурил черные как уголь глаза.

– Какие рамки вы имеете в виду?

– Всякие, – ответил Турецкий. – Хотя бы рамки элементарного приличия. Люди сводят друг с другом счеты, это случается. Но они предпочитают не делать этого на публике. Вы же убили Риневича на виду у людей, у женщин... – Турецкий пожал плечами. – Это сильно похоже на какую-то публичную акцию.

Боровский нервно дернул щекой:

– Чепуха. Никакая это не акция.

– Тогда что же? – спросил Александр Борисович.

Боровский нахмурился и ответил:

– Мне не хочется об этом говорить.

– Да ну? – Глаза Турецкого стали холодными и неприветливыми. А голос – сухим и жест- ким. – Тогда давайте поговорим о том, о чем вам хочется. Я слышал, у вас в камере есть книги. Какую последнюю книгу вы прочитали?

Боровский поднял голову и раздраженно посмотрел на следователя.

– Какая разница?! – вспльчиво ответил он.

Турецкий холодно улыбнулся:

– Ну как же? Я – следователь, вы – подозреваемый. Мы ведь с вами должны как-то убить время. В конце концов, мой рабочий день не закончен, и я обязан о чем-то с вами говорить. Итак, какую последнюю книгу вы прочитали?

– Черт... – тихо прорычал Боровский. – Я не намерен обсуждать с вами мои книги.

– Тогда, может быть, обсудим ваш бизнес? Вы ведь и до этого убийства находились под следствием, так?

– Дело целиком и полностью сфабриковано, – сказал Боровский.

Турецкий кивнул:

– Само собой. Дело сфабриковано, вы – невиновны. И Риневича, должно быть, убили не вы. Пистолет сам выстрелил. С пистолетами это вообще случается сплошь и рядом. Уж поверьте моему опыту, Генрих Игоревич. Может, соберете вещи и пойдете домой, раз вы такой невиновный? Я провожу вас до выхода и извинюсь. Этого вы хотите?

Боровский мрачно ухмыльнулся.

– Это у вас что, такой способ допроса? – прищурившись, спросил он.

Турецкий с усмешкой осведомился:

– А что, не нравится?

– Ну почему же... Довольно оригинально. Сначала вывести собеседника из себя, а затем ошеломить его неожиданным вопросом, захватить врасплох. В бизнесе этот метод иногда дает хорошие результаты. Но не всегда.

– Что ж, раз вы такой мудрый собеседник, спрошу вас в лоб. За что вы убили Риневича?

– Я уже говорил вашим людям – это мое дело, и оно вас не касается. Поэтому просто судите меня и сажайте в тюрьму. Я готов.

– Bravo! – иронично похвалил Турецкий и легонько похлопал в ладоши. – Прямо «Пар- тизан на допросе у немцев». Кстати, не помните, кто нарисовал эту картину?

– Нет, – хмуро ответил Боровский.

– Значит, не помните... – тихо повторил Турецкий. – А как у вас вообще с памятью? Может, вы просто забыли, за что убили бедного Риневича?

– Бедного? – Боровский оскалил зубы в усмешке. – Риневич – один из самых богатых и удачливых людей России.

– Был, – поправил Турецкий. – *Был* одним из самых богатых и удачливых. Пока вы не внесли коррективы в его судьбу. Послушайте, а может, вы ему просто завидовали? Хотя нет, вас ведь называют самым богатым человеком России.

Боровский усмехнулся и сказал:

– Называли. Пока вы не внесли коррективы в *мою* судьбу.

– Точно, называли, – кивнул Турецкий. – Но свою судьбу вы перечеркнули сами. Да еще и грех на душу взяли. Все-таки человека убить – это не миллион украсть. Миллион, может, и простится, а вот убийство... – Александр Борисович медленно покачал головой.

Боровский гневно сверкнул глазами.

– Откуда вам знать, что мне простится, а что нет? Бороться со злом – это святая обязанность каждого верующего человека.

– Ага, – задумчиво сказал Турецкий и стряхнул с сигареты пепел. – Значит, по-вашему, убить Риневича – это не грех, а борьба со злом. Стало быть, причина для убийства у вас все-таки была. И очень веская причина. Не расскажете мне о ней?

– Нет, – сухо ответил Боровский. – Я уже все сказал. Судите меня и отправляйте на зону. Я не боюсь.

– Смелый, – одобрительно кивнул Александр Борисович. – Но смелость – частый спутник глупости. Ведь своим поступком вы испортили жизнь не только себе, но и своим близким. Жена останется без мужа, сын – без отца. Ваш сын Алеша вырастет без вас, Генрих Игоревич. Когда вы выйдете из тюрьмы, он будет уже взрослым человеком. Разве вы *этого* хотите?

Боровский посмотрел на Турецкого исподлобья:

– А что, у меня есть выбор?

– Выбор есть всегда. Наказание может быть более мягким, если суд найдет ваши доводы убедительными. Но для того чтобы помочь вам, я должен знать причину. За что вы его убили?

Боровский долго сидел молча, опустив голову и уставившись на свои руки. Потом поднял взгляд на Турецкого и твердо сказал:

– Я рассказал все, что хотел. Больше я ничего не скажу. И мой вам совет, господин следователь, не забивайте себе голову лишними проблемами. И радуйтесь, что я отказался от услуг адвоката. Вам поручено простое дело, господин следователь, не усложняйте его.

– Да. Наверное, вы правы, – сказал Турецкий, внимательно глядя на Боровского. А про себя подумал: «Ну да, простое. Черта с два оно простое».

И как всегда бывало, когда Александр Борисович понимал, что находится лишь в самом начале большого и сложного пути, в душе у него заворчалось смутное ощущение – предчувствие сложной игры и сожаление по поводу той грязи, в которую придется залезть, разгребая чужие помои. Но такова уж работа сыщика.

– Наверное, вы правы, – повторил Турецкий. – И все же я докопаюсь до причины.

Черные брови Боровского удивленно приподнялись.

– Зачем вам это? – с тихим недоумением спросил он.

Александр Борисович пожал плечами:

– Если пистолет выстрелил один раз, он может выстрелить и в другой. И еще неизвестно, кто тогда окажется жертвой. Вчера не повезло Риневичу, а завтра...

Турецкий выдержал паузу. И тогда вместо него договорил Боровский:

– А завтра может не повезти хорошему человеку, – закончил он. – Так, что ли? – Боровский дернул уголком рта. – Вот видите, вы заранее записываете Риневича в плохиши, лишь потому, что он богач и олигарх. Так что не стоит разыгрывать передо мной честного сыщика. Охота вам копаться в чужом грязном белье – ради бога. Я вам в этом мешать не буду. Но и помогать тоже. Вот и посмотрим, на что вы способны кроме пустой болтовни.

Турецкий затушил сигарету в пепельнице и ничего не ответил. Подумал: «Странный какой-то олигарх...»

4. Женская точка зрения

Александр Борисович сидел за столом у себя на кухне и ел борщ. Аппетита не было, но борщ получился такой славный, что, сам того не замечая, Турецкий «приговорил» одну порцию и протянул жене тарелку за новой. Взгляд у него при этом был рассеянный и задумчивый, словно мыслями он был далек отсюда. Жена Ирина поставила перед ним тарелку с дымящимся борщом и сердито произнесла:

– Ну, нет. Так дальше продолжаться не может. У меня такое чувство, будто я кормлю ужином робота. Может, ты хотя бы из вежливости что-нибудь скажешь?

– О чем? О борще? – Турецкий пожал плечами. – А чего тут говорить – вкусный. Как всегда. Другого у тебя и не получается.

– Лъстец, – отрезала Ирина.

– Не лъстец, а правдоруб.

Ирина усмехнулась:

– Ладно, черт с тобой, поверю. А теперь колись – почему такой смурной? Новое дело?

– Угу.

Ирина прищурила кошачьи глаза:

– Дай-ка я угадаю. Из громких преступлений в последние дни было только одно – убийство олигарха Риневица олигархом Боровским. Признавайся, ты к этому причастен?

Турецкий кивнул:

– Напрямую. Но не по своей воле. Я всего лишь исполнитель.

– Вот как? А кто у нас заказчик?

– Тот же, что и всегда. Небезызвестный тебе Константин Меркулов.

Ирина нахмурила тонкие брови и произнесла задумчиво и сердито:

– Н-да. Я смотрю, твой заказчик совсем меры не знает. И что теперь? Опять бессонные ночи и по две пачки сигарет в день?

Турецкий сделал брови «домиком»:

– Золотце мое, ты же знаешь – я бросаю.

– Угу, – иронично произнесла Ирина. – Чтобы через пять минут начать снова. Знаю я твои бросания. Ладно, ешь давай, пока не остыло.

Турецкий взялся за ложку. Но Ирина не думала успокаиваться. Иногда она становилась такой же дотошной и въедливой, как муж. Сама Ирина по этому поводу замечала: «С кем поведешься, от того и наберешься». Итак, она продолжила свой «допрос с пристрастием».

– Значит, ты взялся за это дело.

– Угу, – кивнул Турецкий, поглощая борщ.

– И что там такого сложного? Если верить газетам, Боровский убил Риневица публично. Прямо на вечеринке в зале Российского сообщества предпринимателей. Это-то хоть правда? Или у наших журналистов слишком сильно разыгралась фантазия?

– Правда. И публично, и в зале. Вот только...

– Что «только»?

– Мотив убийства нам не известен. А сам Боровский на этот счет молчит.

– Значит, ему есть что скрывать. Ведь не дурак же он.

– На дурака не похож, это верно. На него уже было заведено дело в Генпрокуратуре. По факту неуплаты налогов. Плюс еще пара-тройка обвинений в экономических преступлениях.

Ирина посмотрела на мужа недовольным взглядом:

– Ты об этом говоришь, как о совершенном пустяке.

– В свете нынешних событий это и есть пустяк. По крайней мере, лично для него. – Турецкий вытер рот салфеткой и добавил: – После убийства Риневица акции компании «Юпи-

тер», которой управлял Боровский, упали процентов на тридцать. Он потерял не только свободу, он потерял несколько миллиардов долларов. А ведь он знал, на что шел, когда нажимал на спусковой крючок.

– Значит, для него важнее было убить Риневича, чем сохранить эти миллиарды, – веско сказала Ирина. – Интересно, чем этот Риневич ему так насолил?

– Думаю, во всем виноват бизнес. Для таких людей, как эти двое, на первом месте всегда стоит бизнес. Все эти сделки, акции, слияния... А уже потом все остальное.

Однако Ирина не была в этом так уверена.

– Не знаю, не знаю, – задумчиво сказала она. – Я слышала, что Боровский – хороший человек. – Ирина решительно тряхнула головой. – Нет, дорогой, не верю я в то, что Боровский плюнул на свою жизнь и на свою семью из-за какого-то там дурацкого бизнеса.

– Типично женская точка зрения, – вынес свой вердикт Турецкий.

Ирина тонко усмехнулась:

– Может быть. Но еще никто не доказал, что женская точка зрения хуже мужской.

– У женщин плоховато с логикой, – сказал Турецкий.

– Может быть, – вновь ответила Ирина. – Хотя... Ты когда-нибудь слышал о такой вещи, как женская интуиция?

– В детстве. Я тогда во многие сказки верил.

– Напрасно иронизируешь, Турецкий. – Глаза Ирины заблестели. – Знаешь что... А давай с тобой поспорим!

– В каком смысле?

– Ты утверждаешь, что Боровский убил Риневича из-за бизнеса. Об этом тебе говорит твоя мужская логика, так?

– Ну допустим.

– А моя, чисто женская, интуиция подсказывает мне, что тут скрыта какая-то тайна. И тайна эта не связана с бизнесом.

Александр Борисович посмотрел на жену с сочувствием.

– Тебе сколько лет, девочка? – насмешливо спросил он.

Ирина строго сдвинула брови.

– Перестань кривляться, Турецкий. Боишься спорить – так и скажи.

– Гм... – Александр Борисович задумчиво почесал пальцем переносицу. – А на что спорим?

– На что?... М-м... Если я окажусь права, ты в течение месяца будешь выполнять все мои домашние обязанности.

У Турецкого глаза на лоб полезли:

– Все?

– Пошляк. Я сказала – домашние, а не супружеские. Будешь мыть полы, стирать белье, готовить ужины. Ходить на родительские собрания к Нинке в школу. И еще – подаришь мне бутылку шампанского. В знак того, что ты признал мою правоту.

– А если я окажусь прав?

– Тогда... – Ирина пожала плечами. – Я даже не знаю. А что бы ты сам хотел?

– Возьму отпуск и махну на недельку с друзьями на Волгу. Они меня давно зовут. И чтоб ни одного слова против! Ну, и вдвесок бутылочку шампанского. В знак того, что мужская логика – реальная сила, а женская – сказка для легковых малышей.

Ирина кивнула:

– Идет. По рукам?

– По рукам.

И супруги крепко пожали друг другу руки.

5. Бизнесмен Беглов

С председателем Российского сообщества предпринимателей Иваном Сергеевичем Бегловым Турецкий встретился в головном офисе бизнесмена в Столешниковом переулке.

Беглов ему сразу понравился – невысокий, загорелый, поджарый, с благородной сединой в волосах и живыми, умными глазами. И отвечал он на вопросы прямо, без обиняков и уловок. И глаза при этом не отводил.

Едва Турецкий расположился в кресле и достал блокнот с ручкой, как в кабинет вошла секретарша и поставила перед ним и Бегловым по чашке крепкого кофе с граппой.

– Пристрастился, когда работал в Италии, – объяснил Беглов. – Попробуйте. Ставлю сто против одного, что вам это понравится.

Турецкий отхлебнул кофе. Вкус и в самом деле был отменный. «Ай да Беглов», – подивился Александр Борисович проницательности бизнесмена.

– Ну как? – с улыбкой поинтересовался Беглов.

– Замечательно, – ответил Турецкий. – Жаль, что раньше не пробовал.

– Ничего, какие ваши годы. Еще попробуетесь.

Турецкий отпил еще глоток, подождал, пока приятная горячая волна прокатится по пищеводу, поставил чашку на блюдце и спросил:

– Иван Сергеевич, я знаю, что вы уже давали показания по этому делу. И все же я хочу услышать всю эту историю еще раз – от вас лично.

Беглов кивнул:

– Пожалуйста. Только ведь я для вас помощник неважный. Я видел лишь то, что видел. А видел я немного. Начну, пожалуй, с начала. Итак, в тот день у нас состоялось собрание бизнес-элиты России. На повестке дня стояло много вопросов. В том числе, конечно, и дело, которое Генпрокуратура возбудила против Генриха Боровского. Подробно я вам об этом рассказывать не буду, это наши чисто деловые разговоры. А если в общем – мы, бизнесмены, конечно же почувствовали себя неуютно после этого наезда.

– Наезда? – насмешливо переспросил Турецкий.

– А иначе это и не назовешь. Ведь ясно же, что Генпрокуратура выполняет политический заказ. Генрих зарвался, попытался прыгнуть выше головы, вот его и стукнули по этой голове. Дескать, не высывайся, веди себя смиренно.

– Журналисты пишут, что Боровский нацелился на кресло премьер-министра, – заметил Турецкий.

Беглов болезненно поморщился:

– Александр Борисович, к чему теперь это обсуждать? Может, и нацелился. Но это ведь не значит, что он преступил закон. Я думаю, Генрих и в самом деле переоценил свои силы. Или забыл, в какой стране мы живем. – Иван Сергеевич внимательно посмотрел на Турецкого и сказал: – Пардон, но я немного отвлекся. Вас ведь интересуют события того злосчастного вечера.

Турецкий кивнул:

– Именно. Расскажите, пожалуйста, все, что помните.

Иван Сергеевич задумчиво нахмурил брови:

– Генрих с самого начала вел себя как-то странно. Он был... – Беглов замешкался, подыскивая нужное слово, – ...напряжен, что ли. И рассеян. Словно все, о чем говорилось на собрании, совершенно его не касалось. А ведь мы, можно сказать, собрались по его поводу. Конечно, он выступил с небольшим докладом, но ничего нового или интересного не сказал. Так, дежурные слова – мол, надо стоять на своем, пытаться сделать российский бизнес более прозрачным, а чиновников менее коррумпированными... В общем, вещи верные, но сто раз повторенные.

О себе самом Генрих предпочитал не говорить, а когда ему задавали вопросы, либо отмалчивался, либо отделялся односложными ответами. Это было так на него непохоже, что я даже подумал, не болен ли он.

– Вы спросили его об этом?

– Да, разумеется. Но он ответил, что здоров, просто немного устал. Лицо у него при этом было такое, как будто он хотел сказать: «Да оставьте вы меня в покое, черти полосатые!» – Беглов вздохнул. – Это было очень странно, поэтому я немного... напрягся, что ли. И стал за ним потихоньку наблюдать.

– Боровский вел себя странно?

– Да нет. Ничего странного он, в общем-то, не делал. С людьми не общался, это да. А так?... Вот только пил выше меры. Ну то есть выпить-то он всегда был не прочь, но на банкетах, в обществе, не позволял себе больше, чем стаканчик разбавленного виски. А тут глушил стакан за стаканом и совершенно не разбавлял. И еще – постоянно рыскал глазами по залу, словно искал кого-то.

– Риневича?

– Судя по всему, да. Потом появился Риневич. Он подошел к Боровскому, они перекинулись парой слов, затем раздались выстрелы. Риневич упал, а Боровский бросил пистолет на пол и пошел к выходу. Как вы знаете, его задержала наша охрана. Вот, собственно, и все.

– У вас есть предположения, за что он мог его убить?

Беглов покачал головой и задумчиво ответил:

– Нет... – Затем повторил уже более уверенным голосом: – Нет, никаких предположений.

В бизнесе бывает разное, но времена откровенного отстрела конкурентов канули в прошлое. – Он сухо улыбнулся. – К тому же бизнесмены никогда не отстреливали друг друга лично.

– А они были конкурентами?

– Напротив, они были деловыми партнерами. Это-то и удивительно! Последние несколько месяцев они готовили слияние двух своих нефтяных компаний – «Юпитер» и «Дальнефть». Это должна была быть «делка века», как окрестили ее в прессе. Уж у Боровского-то точно не было никаких резонов убивать своего партнера и ставить тем самым сделку под удар.

– Для него была очень важна эта сделка?

Беглов посмотрел на Турецкого, как на идиота.

– А вы как думаете? Генрих – бизнесмен до мозга костей. Помнится, когда-то, лет пять-шесть назад, он любил повторять: «Делового партнера найти легче, чем друга или жену. И ошибиться в деловом партнере страшнее, чем в жене. С женой можно развестись, а неправильный выбор делового партнера грозит банкротством и разорением». Да, примерно так он и говорил.

Турецкий ухмыльнулся и покачал головой:

– С этим можно поспорить. Иная жена может разорить мужа сильнее двадцати партнеров по бизнесу. Вероятно, в то время Боровский еще не был женат?

– Не помню, – пожал плечами Иван Сергеевич. – Вроде нет.

– Ну хорошо, – сказал Турецкий. – Значит, в плане делового партнерства у них все было в порядке. А как насчет личного общения?

– Да и с личным у них все было в порядке. Если мне не изменяет память, Генрих и Олег знакомы уже лет пятнадцать – двадцать. Они вместе служили в армии. Примерно в одно и то же время начинали бизнес. Помогали друг другу. – Беглов решительно качнул головой: – Нет. Врагами они никогда не были. Когда Риневич женился, Боровский был свидетелем у него на свадьбе. Потом, правда, Олег развелся, но это не важно.

– А сам Риневич?

– Что Риневич?

– Он был свидетелем на свадьбе у Боровского?

– М-м... Точно не помню. Генрих расписывался не в Москве, а на родине невесты. В Новосибирске, что ли... Нет, не помню. Спросите у его жены, она вам все расскажет. А я больше ничем не могу вам помочь. Для меня все происшедшее – полнейшая загадка. Тайна за семью печатями. Мне казалось, я хорошо знаю обоих, а вышло... – Он пожал плечами. – Как говорится, чужая душа – потемки.

– Увы, это так, – подтвердил Турецкий.

Тут дверь бесшумно отворилась, и в кабинет вошел невысокий и безликий, как тень, молодой человек. Он подошел к Беглову, наклонился и что-то тихо сказал ему на ухо. Беглов кивнул и произнес, обращаясь к Турецкому:

– К сожалению, Александр Борисович, я вынужден закончить нашу беседу. Через полтора часа у меня встреча в Кремле, а я еще должен кое-что сделать. Я ведь не могу опоздать в Кремль, сами понимаете.

– Само собой, – кивнул Александр Борисович.

– Если у вас будет время, мы можем продолжить эту беседу завтра или послезавтра.

– Обязательно продолжим, – сказал Турецкий.

На этом аудиенция была окончена.

6. Королева красоты

Если и впрямь существуют на свете настоящие королевы красоты, то одна из них стояла сейчас перед Турецким. Длинные, чуть выющиеся каштановые волосы, высокий, чистый лоб, огромные карие глаза, излучающие тепло и страсть, тонкий абрис лица и полные, чувственные губы – вот какой женщиной была Ляля Боровская.

Она взяла удостоверение Александра Борисовича, прочитала, сощурившись, как это обычно делают близорукие люди. И этот жест, это движение придавало ее лицу еще больше привлекательности. Так часто бывает с красивыми женщинами: любая гримаса – морщат ли они нос, поджимают ли брезгливо губы, щурятся ли – не уродует их лица (как это обычно бывает с некрасивыми женщинами), а, наоборот, заставляет взглянуть на их красоту по-новому, под другим углом зрения, что ли. Александр Борисович встречал таких женщин всего-то раз пять за свою долгую и насыщенную событиями жизнь.

– Значит, из прокуратуры, – произнесла Ляля глубоким и словно бы простуженным голосом. Затем подняла взгляд на Турецкого и, снова прищурившись, внимательно на него посмотрела. – Что ж, – сказала она со вздохом, – проходите.

Квартира олигарха выглядела совершенно заурядно. (Турецкий слышал, что у Боровских есть шикарный особняк на Николиной горе. По всей видимости, большую часть времени Боровские проводили именно там, а московская квартира была для них чем-то вроде временного жилища, походной палатки городского типа.)

– Скромно у вас здесь, – сказал Турецкий, усаживаясь в кресло и оглядывая гостиную.

Ляля пожала плечами:

– Вы так считаете? Может быть. Геня не любит роскоши. Он считает ее вульгарной.

– Роскошь роскоши рознь, – назидательно заметил Турецкий.

Ляля (она стояла, опершись плечом на стену и скрестив на груди тонкие руки) усмехнулась:

– Может быть. Между прочим, кресло, на котором вы сейчас сидите, принадлежало когда-то князю Голицыну.

– Вот как? – Турецкий едва не подскочил от неожиданности и лишь недюжинным усилием воли заставил себя остаться в кресле, которое вдруг показалось ему хрупким и невесомым.

– Вам уютно? – заботливо осведомилась Ляля.

– Да, – кивнул Турецкий, – вполне. Правда, теперь у меня такое ощущение, будто я сижу на китайской вазе.

Ляля засмеялась:

– О, не беспокойтесь, пожалуйста. Это кресло гораздо крепче нынешнего заводского новодела. Оно еще нас с вами переживет!

– Не знаю, как для кресла, а для нас с вами это звучит не слишком оптимистично, – проворчал Турецкий.

– Скажите... вас, кажется, Александр Борисович зовут?

– Да.

– Меня можете звать просто Ляля, меня все так зовут. – Она прошла к дивану и присела на краешек. Потом посмотрела на Турецкого своими огромными золотисто-кариими глазами и продолжила: – Александр Борисович, вы ведь ведете дело Генриха?

– Да.

Ляля кивнула и повторила за Турецким:

– Да. И это хорошо. Потому что вы хороший человек, а это главное.

– С чего вы взяли, что я хороший?

Она улыбнулась:

– А я это вижу. У меня талант – я сразу вижу человека. Первое впечатление меня никогда не обманывает.

Турецкий нахмурился и сказал:

– Главное для следователя – профессионализм, а не душевные качества.

Но Ляля отрицательно покачала головой:

– Нет. В деле моего мужа это не главное. Я знаю... вы знаете... Господи, да все уже знают, что в нашей стране началась травля богатых людей. Какой-то дурак прозвал их олигархами, и это слово прицепилось. – Ляля задумчиво нахмурилась и нервно покусала губу. – Понимаете, Александр Борисович, – с усилием продолжила она, – для меня Геня не олигарх. Он – мой любимый мужчина. И пожалуй, самый лучший из всех людей, каких я когда-нибудь встречала. Но ведь это никого не интересует. Никого не интересует, сколько хорошего делает человек для своей страны. Для наших людей важно лишь то, что Геня богат. А значит, по определению, мерзавец и гад. – Ляля прищурилась. – Вы понимаете, о чем я говорю?

– Понимаю, – ответил Турецкий.

Глаза Ляли засияли.

– Поэтому я и говорю, что для Генриха... для нас с Генрихом сейчас самое важное, чтобы следствие вел хороший человек. Чтобы он относился к Генриху без предубеждения, как к простому человеку. Чтобы не старался изо всех сил посадить Геню в тюрьму. И не думал постоянно о том, что Геня – олигарх. Понимаете?

– Вполне, – кивнул Турецкий.

Ляля облегченно улыбнулась:

– Я вижу, что понимаете. Я отвечу на все ваши вопросы честно, потому что знаю, что только этим могу помочь Генриху.

– Удивительно правильный подход, – одобрил Турецкий. – Тогда я, пожалуй, нач...

– Кофе хотите? – неожиданно спросила Ляля.

– Кофе? М-м... Да, пожалуй, нет. Спасибо.

– Спиртное вам не предлагаю, потому что вы на работе, – сказала Ляля. – Но себе, с вашего разрешения, немного налью. – Ее ресницы дрогнули. – Вы ведь не возражаете?

– Да нет, – пожал плечами Турецкий.

– Вот и хорошо.

Ляля встала с дивана, прошла к бару, достала оттуда стакан и бутылку джина. Наполнила стакан наполовину и вернулась на диван со стаканом в руке. Заметив удивление и неудовольствие на лице Турецкого, она слегка покраснела и сказала извиняющимся голосом:

– Это помогает мне держаться. В последние дни я чувствую себя довольно скверно.

Турецкий вновь пожал плечами:

– Да ради бога, пейте. Вы же у себя дома.

– Спасибо, – сказала Ляля, подняла стакан и сделала большой глоток.

На щеках женщины появился румянец, губы покраснели, а карие, лучистые глаза засияли еще ярче. Она улыбнулась и сказала:

– Ну вот, мне и стало лучше. Теперь я готова говорить о Генрихе.

Ляля подняла руку и изящным движением откинула со лба густые рыжеватые волосы. Турецкий невольно залюбовался ею, она перехватила его взгляд и улыбнулась. Александр Борисович конфузливо покраснел.

– Ляля, – заговорил он, – а вы давно женаты?

– Восемь лет.

– Я слышал, что Риневич был свидетелем у вас на свадьбе?

Она кивнула:

– Да, это так.

– Он... дружил с вашим мужем?

Ляля отпила джина, вздохнула и ответила:

– Мне всегда казалось, что да. Они ведь знакомы с юности. Вместе служили в армии.

– Об этом я тоже слышал, – сказал Турецкий. – Скажите, а в последнее время они не ссорились?

Ляля задумчиво покачала головой:

– Я не замечала.

– Ну, может, он стал реже приходить к вам в гости?

– В гости? – Ляля едва заметно усмехнулась. – О нет, Риневич никогда не приходил к нам в гости. Я его вообще плохо знала. За все эти восемь лет мы встречались раз пять-шесть.

– Гм... Странная получается дружба. Значит, они встречались на стороне? То есть, я хотел сказать, они...

– Я поняла, – сказала Ляля. – Да, они встречались на стороне. Но это не потому, что я была против их дружбы. Просто у них так повелось. Ну, знаете ведь, как это бывает – мужская компания и все такое прочее. Олег Александрович был как раз приверженцем мужской компании. Он вообще относился к женщинам довольно прохладно. В том смысле, что расценивал их исключительно как объект вожделения. Ни на что другое они, на его взгляд, не годились.

– Курица не птица, женщина не человек?

Ляля кивнула:

– Именно. Он всегда говорил о женщинах с налетом этакого гусарского цинизма. Как в пошлых анекдотах. Мне это конечно же не нравилось. И Геня видел, что мне это не нравится, поэтому не приглашал к нам Риневича. Меня это устраивало, Риневича, по-видимому, тоже.

– Ясно. Ляля, а вы не можете предположить, какая кошка между ними пробежала? Что послужило причиной их размолвки?

– Понятия не имею. Муж знал, как я отношусь к Риневичу, поэтому никогда мне о нем не рассказывал. Даже имя его в разговорах старался не упоминать.

– Звучит таинственно, – заметил Турецкий. – Как в готическом романе. Там тоже жильцы старинного замка стараются не упоминать имя злого духа, заточенного в стенах.

Ляля отпила джина и подняла брови:

– Почему?

– Опасаются, что, услышав свое имя, он проснется и выйдет наружу. И тогда сбудется старинное проклятие и всех обитателей замка настигнет страшная гибель.

Ляля слегка поежилась.

– Какие ужасы вы рассказываете. Не думаю, чтобы здесь было то же самое. Да и на злого духа Риневич не похож.

– А как насчет старинного проклятия? – пошутил Александр Борисович.

Ляля отпила из стакана, затем пристально посмотрела на Турецкого и неожиданно холодно произнесла:

– Об этом я ничего не знаю.

Турецкого неприятно поразила перемена ее тона. Да и в глазах Ляли в тот момент, когда она произносила эти слова, промелькнуло что-то жесткое, холодное и острое, как осколок льда.

«Похоже, здесь и впрямь кроется какая-то тайна», – пришло на ум Александру Борисовичу. Но мгновение спустя глаза Ляли вновь залучились теплым, золотистым светом, и появившиеся было подозрения Турецкого развеялись, как холодный туман под лучами горячего солнца.

Немного помедлив, Турецкий спросил:

– Генрих Игоревич и про слияние нефтяных компаний вам ничего не говорил?

Ляля нахмурилась:

– Ну почему же... Геня не мог об этом не говорить, ведь это была самая крупная его сделка. Это вообще была самая крупная сделка в нашей стране. Но вы знаете, Александр Борисович, я никогда особо не вникала в дела Гени. Даже об этой сделке я больше слышала по телевизору, чем от него самого.

– Он был рад?

– Чему? Сделке?

– Угу.

Ляля кивнула:

– По-моему, да. Это вроде бы было выгодно. И выгодно не только для Генриха, но и для Риневича. Генрих как-то сказал, что это будет самый грандиозный проект с тех пор, как в России открыли первое месторождение нефти. А мой муж никогда не бросает слова на ветер и никогда ничего не говорит ради красного словца. – Ляля чуть наклонилась вперед и спросила хриплым голосом: – Александр Борисович, вы скоро увидите с Генрихом?

– Может быть.

Ляля грустно улыбнулась:

– Он не хочет со мной встречаться. Думает, я сильно расстроюсь, когда увижу его в этой... клетке. Передайте ему, пожалуйста, что я его люблю и жду.

– Обязательно передам, – пообещал Турецкий.

Он встал с кресла. Ляля залпом допила джин и поднялась вслед за ним. Прощаясь, Турецкий всучил Боровской свою визитку и сказал:

– Если Генрих Игоревич все-таки захочет с вами встретиться, убедите его, что лучшее в его положении – рассказать всю правду. Другого выхода нет. Кстати, номер вашего домашнего телефона я знаю. А номер своего мобильного вы мне не сообщите? На всякий случай.

– Пожалуйста, – пожала плечами Ляля. – Запоминайте, он легкий. Оператор у меня тот же, что и у вас. И сам номер легко запомнить. Первые три цифры – год рождения Генриха. Четыре другие – дата начала Второй мировой войны.

Ляля продиктовала номер – он и впрямь оказался несложным.

Покидая квартиру, Турецкий сказал:

– Если что – звоните.

Ляля молча кивнула. На том они и распрощались.

7. «Важняк» Гафуров

Пообедать Александр Борисович решил в армянском кафе. Здесь подавали удивительно вкусный шашлык и не заставляли клиентов ждать дольше положенного.

Турецкий уже вонзил зубы в мягкий, сочный кусок мяса, когда за его столик подсел невысокий чернявый мужчина с желтым, вытянутым к середине лицом, придающим ему сходство с грызуном. Это был следователь Генпрокуратуры Эдуард Гафуров.

– Александр Борисович, наше вам с кисточкой! – поприветствовал Гафуров Турецкого, улыбаясь ему во все тридцать два зуба, один из которых был золотым.

– А, привет, – ответил Турецкий, без особого, впрочем, энтузиазма. – Наконец-то ты объявился. Два дня тебя ищу.

Гафуров, продолжая ухмыляться, кивнул:

– Сам ведь знаешь – срочное дело в Питере. Как шашлычок? Не пережарен?

– В самый раз, – ответил Турецкий.

Гафуров повернулся, облокотившись локтем на спинку стула, поискал глазами официанта и, заметив, подал ему знак рукой. Затем снова повернулся к Турецкому:

– Слышал, ты занимаешься Боровским. Как он, не бузит?

– В каком смысле? – сухо спросил Турецкий.

Гафуров пожал плечами:

– Ну знаешь ведь этих олигархов. Чуть что – сразу вопят: «Помогите, обижают, свободу душат!»

– Нет, Боровский не вопит.

К столику подошел официант, принял заказ и удалился. Гафуров положил руки на стол, сложил их замочком и с улыбкой (которую, должно быть, сам он считал обаятельной) спросил:

– Ну так о чем ты хотел меня расспросить?

– Ты уже месяц ведешь дело Боровского, – сказал Александр Борисович, отодвигая блюдо с недоеденным шашлыком (аппетит при виде желтой физиономии Гафурова у него пропал напрочь). – Я ознакомился с материалами, но мне хотелось бы узнать твое личное впечатление. Ну и мнение, конечно.

Гафуров деловито кивнул, затем сделал задумчивое лицо и заговорил таким голосом, каким обычно говорят следователи в телесериалах:

– Ну что я могу тебе сказать, Александр Борисович... Прохвост он, конечно, порядочный. Так сказать, вор в глобальном, вселенском, масштабе. Обворовал в свое время нашу страну на миллиарды долларов да еще имел наглость не платить по счетам. Да он на одних неуплаченных налогах имеет в год столько, сколько какое-нибудь Малибу на всем своем гробаном туризме. Представляешь, о каких суммах идет речь!

Глядя на темные, выпученные, как у рыбы, глаза Гафурова, на его шевелящийся, сухой, вытянутый вперед рот, Турецкий начал злиться.

– Эдуард Маратович, – нетерпеливо перебил он, – ты меня прости, но это все дежурные фразы. Прибереги их для журналистов. Я хочу знать одно: ты лично уверен, что Боровский вор? Или у тебя есть какие-то догадки насчет того, что его дело могло быть... – тут Александр Борисович поморщился, словно у него внезапно заболел зуб, – ...черт, как бы это помягче сказать...

– Скажи как есть, – с улыбкой посоветовал Гафуров.

– Сфабриковано, – закончил фразу Турецкий.

Лицо Гафурова исказилось: глаза вылезли из орбит еще на пару миллиметров, сухой рот раскрылся. Он покачал головой и сказал:

– Ну ты даешь, Турецкий. Откуда у тебя такие мысли? Нет, это-то я как раз понимаю. Ты слишком веришь нашей прессе и всяким там нечистым на руку политикам. Но почему ты решил, что...

Подошедший к столику официант поставил перед Гафуровым блюдо с шашлыком и бокал красного сухого вина. Спросил, не надо ли еще чего, получил отрицательный ответ и удалился. Все это время Турецкий сидел молча, сверля глазами желтое лицо Гафурова.

Едва официант ушел, как Гафуров с волчьей жадностью набросился на свой шашлык. Горячий жир полился по его подбородку.

– Обожаю шашлык... – проговорил Гафуров с набитым ртом. – Наверно, это у меня в крови... Ведь мои предки были пастухами... Они, наверно, кроме жареного мяса вообще ничего не...

Но Турецкий не дал ему договорить.

– Эдуард Маратович, я задал вопрос, – сухо напомнил он жующему Гафурову.

Тот кивнул, отложил шашлык, вытер рот салфеткой и вновь воззрился на Александра Борисовича своими выпученными глазами-бусинами.

– Я помню про твой вопрос. Но мне показалось, что я уже на него ответил. Или нет?

– Нет, – покачал головой Турецкий. – Ты меня совсем не слушаешь. Я ведь сказал, что знаком с материалами дела. Мне показалось, что дело это не имеет под собой твердых оснований. Я не говорю, что это так и есть. Но... – Александр Борисович сбился, не находя подходящего слова. Разговор с Гафуровым давался ему нелегко. Он вообще чувствовал себя в присутствии этого желтолицего человека неуютно. И не только сейчас. – Понимаешь, Эдуард Маратович, – вновь заговорил Турецкий, – тема слишком щепетильная. Боровский публично застрелил Риневича, причина нам неизвестна. Но мы знаем, что оба – и жертва, и убийца – были связаны общим бизнесом...

– Не общим, – напомнил Гафуров. – Они только собирались объединить свои компании.

Турецкий нетерпеливо дернул плечом:

– Не важно. У нас есть убийца и жертва, связанные бизнесом. Известно также, что на убийцу уже было заведено уголовное дело по факту экономических преступлений. Как ни крути, а это единственная зацепка во всей этой темной истории. Поэтому мне очень важно знать – уверен ли ты в виновности Боровского. Ведь ты говорил с ним лично, беседовал с его коллегами и так далее.

Гафуров посмотрел на Турецкого с «восточной» печалью во взгляде и вздохнул:

– Ох, Турецкий, вечно ты задаешь лишние вопросы. Пойми же ты, дурья башка, Боровский – акула. А что касается твоих подозрений... – Гафуров нахмурил брови. – Ну вот смотри: допустим, ты загораешь на пляже, так? И вдруг слышишь душераздирающий крик. Ты вскакиваешь, бежишь к морю, но... все уже кончено. На поверхности моря – пятно крови, а все, что ты успел заметить, это мелькнувший в волнах плавник.

– Красиво излагаешь, – с легкой усмешкой заметил Турецкий.

– То есть ты понимаешь, что человека сожрала акула, – продолжил Гафуров, не обращая внимания на сарказм Турецкого. – Но в морду той акуле ты не заглядывал. Ты видел только ее плавник. Проходит время. Ты забрасываешь сеть в том месте, где был съеден человек, и через некоторое время в сеть попадает зубастая тварь. Что ты с ней сделаешь? – И, не дожидаясь ответа Турецкого, Гафуров ответил на свой вопрос сам: – Ты ее прикончишь. При этом ты будешь уверен, что именно эта акула – та, которую ты поймал, – съела человека. Но ты не видел ее морду, ты видел только плавник. Понимаешь, куда я клоню?

– Вполне, – кивнул Турецкий. – Ты хочешь сказать, что не важно, какая акула попала в твои сети. Важно убить акулу и показать ее труп испуганным и возмущенным туристам. Так?

– Не совсем, – миролюбиво сказал Гафуров. – Но суть ты уловил. Акул много. И благодари Бога, что хотя бы одна из них попала в твои сети. Твоя задача – не упустить ее, вот и все. А все остальные рассуждения не имеют никакого значения.

Гафуров вновь взялся за свой шашлык. Турецкий подозвал официанта и попросил счет. Гафуров по-прежнему был занят шашлыком. Ел он аппетитно, получая явное и громадное удовольствие от каждого съеденного кусочка. «Прямо как пещерный человек», – подумал Турецкий, с едва заметной усмешкой глядя на Гафурова. Потом произнес сухим, неприязненным голосом:

– Твои рассуждения, Гафуров, хороши с точки зрения рыбака. Но не с точки зрения туристов. Для них, я думаю, главное, чтобы это была Та Самая Акула. Все остальное чушь и демагогия.

– Это твое мнение, – пожал плечами Гафуров. – И, как говорится, мне на него... Ну, ты сам знаешь что.

Официант принес счет. Турецкий бросил на стол несколько измятых купюр, поднялся и сказал:

– Приятного аппетита, рыбачок. И смотри, чтобы твоя акула не сожрала тебя самого.

Затем повернулся и двинулся к выходу. Гафуров проводил его насмешливым, презрительным взглядом.

Глава вторая «У солдата тяжелая служба...»

1. Проводы восьмидесятых годов

– ...Нет, Геня, ты не прав. Любой мужик должен отслужить в армии. Иначе он не мужик, а не пойми что!

Алик Риневич, худой белобрысый парень со стриженными под машинку волосами и пылающими от воодушевления и выпитой водки щеками, говорил громко и взволнованно. Сидящие за столом парни согласно закивали. Все уже были изрядно навеселе. Однако Геня Боровский, высокий и ладный молодой человек с симпатичным лицом и черными, бархатистыми, как у девушки, глазами, был с другом не согласен.

– Почему должен? – с вежливым, сдержанным упрямством спросил он. – Кому должен?

Алик уставился на друга серыми веселыми глазами, затем поскреб рукой в затылке и сказал:

– Ну ты как-то странно ставишь вопрос. Что значит – кому должен? Должен, и все! Наши отцы служили, деды служили. Чем мы хуже?

– Точно! Верно! В натуре, правду говорит! – загудели парни.

Но Геня и на этот раз не согласился.

– А может, мы не хуже, а как раз лучше? – с прежней спокойной невозмутимостью спросил он.

Алик вздохнул:

– Ну ты и зануда, Боровский. Все, не могу больше с тобой спорить. Эй, Жора, давай там, наливай!

Кудрявый, широколицый Жора кивнул и взялся за бутылку. Пока он разливал водку по стаканам, парни вновь весело загалдели. На этот раз они обсуждали двух стройных девчонок в белых платьях, которые прошли мимо кафе «Ягодка», в котором, собственно, и проходило торжество, связанное с проводами Гени и Алика в армию.

Напрягшись от повышенного внимания, которое обратили на них подвыпившие парни, девушки пугливо прибавили шаг. Кто-то засвистел им вслед, кто-то захохотал, кто-то крикнул что-то скабрзное – короче говоря, все были довольны и возбуждены. Один лишь Геня Боровский не разделял всеобщего веселья. Он облокотился об железный облупленный стол, положил щеку на ладонь и задумчиво смотрел вслед девчонкам.

Алик Риневич, заметив, что его друг не веселится, как все, хлопнул его по плечу и весело сказал:

– Не грусти, Горыныч, прорвемся! Вернемся через два года – все телки наши будут!

– До этого еще дожить надо, – равнодушно отозвался Боровский.

– А ты че, помирать, что ли, собрался? Во дает! Слыхали, пацаны, Горыныч помирать собрался! Ну-ка, Жорик, раздай пацанам оружие!

Парни разобрали стаканы с водкой. Алик взял свой стакан, обвел взглядом присутствующих и произнес торжественным, проникновенным голосом:

– Давайте, пацаны, выпьем за дружбу. Все-таки на два года расстаетесь, это вам не хухры-мухры.

– Вы там, главное, не сыте! – посоветовал будущим бойцам кудрявый Жора. – От дедушек не бегайте. А будут обижать – бейте в бубен, и все. Держитесь друг за друга, короче.

– Только особо не борзайте, – присоединился к Жоре еще один советчик. – Дедушки тоже уважения требуют. Жопы, главное, не лижите, и все будет путем.

Алик усмехнулся и поднял стакан:

– Ладно, пацаны, давайте. Спасибо за советы. Не забывайте, короче!

Парни чокнулись и выпили. Закусывали килькой в томатном соусе, квашеной капустой из стеклянной банки и перловым «Завтраком туриста».

– Ну-ка, Геня, сбацай нам че-нибудь душевное, – попросил Алик.

Боровский кивнул, достал из-под стола маленькую желтую гитару, облепленную гэдэ-эровскими наклейками с белокурыми красотками, пристроил ее на коленях, вдарил пальцами по струнам – ритмично и жестко – и запел порывистым, хрипловатым баритоном, подражая Высоцкому:

Я вспоминаю утренний Кабул,
Его разрывы и его контрасты.
Сквозь дым пожаров говорю я: «Здравствуй!
Прости, что на покой твой посягнул!»
Афганистан болит в моей душе.
Мне слышатся бессонными ночами
Стихи поэтов в скорби и печали
И выстрелы на дальнем рубеже!

Парни слушали песню, сурово сдвинув брови. В этот момент каждый из них видел себя бегущим по афганским пескам с автоматом в руках и секущим душманов короткими, рывкающими очередями.

Наконец Боровский ударил по струнам в последний раз, и песня закончилась.

Некоторое время парни молчали. Потом Алик взъерошил ладонью светлый ежик волос и сказал:

– Давайте, пацаны, выпьем за тех, кто не вернулся из Афгана!

– Давайте! Точняк! Это святое! – загалдели парни, пододвигая Жоре пустые стаканы.

Выпили. Алик вдруг сказал:

– А прикольно было бы в Афган попасть, да, Геня?

Но Боровского, похоже, эта идея не вдохновляла. Он пожал плечами и ответил:

– Не вижу ничего прикольного.

– Да ладно тебе, – весело сказал подвыпивший Алик. – Ты че, не пацан, что ли? Душманов бы мочили!

– За что? – спросил вдруг Генрих.

Риневич удивленно заморгал.

– Как за что?

– Ну так, – ответил Генрих. – За что?

– Ну, за это... как его... – Алик поморщился, припоминая мудреное слово, но так и не вспомнил и обратился за помощью к Жоре: – Слышь, Жор, как это называется, когда черным помогать надо?

– Интернациональный долг, – проговорил Жора.

Алик кивнул и назидательно поднял палец:

– Во, Геня, слышал? Долг! А когда у солдата долг, он не спрашивает за что? Он просто делает, и все. Да и прикольно это. По-пацански!

– Точно! – отозвался полупьяный subtilный паренек, совсем еще мальчишка. – Я вообще считаю, что, пока мужик врага не убил, он не мужик. Ну или хотя бы не ранил.

Генрих посмотрел на мальчишку с сожалением, вздохнул и сказал:

– Дурак ты, Баклан. Тебя бы самого кто-нибудь пришел, посмотрел бы я на твоих родителей.

– Меня-то за что? – удивился мальчишка.

Генрих покосился на Алика Риневича, усмехнулся и сказал:

– А настоящий душман не спрашивает за что. Он «просто делает, и все».

Последнюю фразу Боровский произнес, пародируя голос Риневича. Алику это не понравилось. Он нахмурился и строго сказал:

– Ну, это ты упрощаешь. Мы-то с тобой не душманы. Мы своим угнетенным братьям помогаем. А это святое.

– Точно говорит, – подтвердил рыжеволосый юнец с едва наметившейся курчавой бородкой. – Ты, Геня, утрируешь. А тут нужно различать. Если за правое дело, то и убить можно. Это святое!

– Да че тут святого-то, я никак не пойму?! – взвился Боровский. – Ну убьешь ты его, ну и что? А его кореш тебя порешит. Потом твой кореш порешит его кореша, и так далее, пока все друг друга не перебьют. Кому это надо?

Алик презрительно усмехнулся:

– О, старик, да ты у нас, оказывается, хиппи!

– Точно! – подтвердил рыжий юнец. – Он этот, как его... па-ци-фист.

– Дитя цветов! – вставил свое слово Жора.

– Все пацифисты – гомосеки, – веско изрек сублильный паренек.

Но Генрих не обратил на их оскорбительные слова никакого внимания.

– Нет, пацаны, вы не понимаете, – гнул он свою линию. – Я считаю, что жизнь любого человека – это целая вселенная. Ну вот смотрите: убьют меня, допустим, и что будет? Да ничего больше не будет! Ни вас, ни города этого, ни деревьев, ни телок, ничего! Все! Баста! Пи...ц всему миру! Так если вместе со мной целый мир умирает, так и вместе с этим сраным душманом тоже.

– Ну и хрен с ним! – яростно ответил другу Алик. – Дался тебе его мир!

Однако Боровский не смирился.

– Не, пацаны, – устало сказал он, – я бы никогда не смог живого человека убить. Мне иногда ночью приснится, что я кого-то убил, так я потом в холодном поту просыпаюсь. Уф-ф, думаю, слава богу, что это всего лишь сон.

Алик долго и пристально смотрел на Боровского, словно пытался прочувствовать его точку зрения, потом тряхнул головой и сказал:

– Байда это все, Геня. Придется тебе человека убить – убьешь как миленький. И не поморщишься.

– Нет, – твердо ответил Боровский. – Никогда.

Алик усмехнулся, пожал худыми плечами и философски произнес:

– Посмотрим, старичок, посмотрим.

2. Деды

Служить Алику и Гене довелось на границе с Монголией, неподалеку от населенного пункта со странным нерусским названием «Ташанта».

В первую же ночь Геню разбудили двое старослужащих.

– Слышь, зёма, – обратился к нему один из дедов, юркий, прыщавый парень по кличке Рябой. – Ты у нас новенький, так?

– Ну, – сказал заспанный Геня, протирая пальцами глаза.

– Загну, – с ухмылкой передразнил Рябой. – Раз ты новенький, ты должен пройти боевое крещение. Слыхал о таком?

Боровский никогда не слыхал ни о каком боевом крещении и понятия не имел, что это такое, однако, дабы не ударить в грязь лицом, кивнул и ответил:

– Да, что-то слышал.

Рябой повернулся к своему напарнику и, криво ухмыляясь, сказал:

– Видал, Валек, он уже в курсе. – Затем снова повернулся к Боровскому: – Слушай, зёма, а ты часом не чурка?

– Я? – Боровский удивленно обвел взглядом дедов и растерянно ответил: – Да вроде нет.

– «Вроде», – передразнил Рябой. – А че имя такое тухлое?

– Нормальное, – пожал плечами Боровский. И объяснил: – Это немецкое имя. Был такой писатель Генрих Манн.

– Как сказал? – насторожился Рябой. – Шман?

– Манн, – поправил Боровский. – И еще был Генрих Бёльль.

Прыщавое лицо Рябого вытянулось.

– Вот ни фиги себе, зёма, – возмущенно проговорил он. – Ты че, бля, в натуре, матом на деда ругаешься? Валек, слыхал, как он на меня наехал?

– Я не наезжал, – угрюмо ответил Генрих. – Это такая немецкая фамилия – Бёльль.

Тут Валек, хранивший до сих пор молчание, сказал ободряющим голосом:

– Да ты не бойсь, Бёль. Мы ребята смирные, обижать не станем. Пойдем с нами, мы уже все приготовили для боевого крещения.

Генрих вздохнул и поднялся с кровати.

В туалете было светло, прохладно и грязно. Семеро дедов в майках и штанах смолили сигареты, насмешливо поглядывая на пятерку «духов», жавшуюся в трех шагах от них.

В пятерку, кроме Генриха, входили Алик Риневич и еще три паренька; причем один из этих пареньков – высокий, тонкий, большеглазый – стоял, обхватив себя руками за плечи и гордо подняв голову. Звали этого парня Леня Розен. Всю дорогу до Ташанты он держался от других новобранцев особняком, был задумчив и молчалив.

– Ну че, пацаны, – заговорил Рябой, обращаясь к новобранцам. – Начнем, а?

Деды бросили окурки в унитаз и повернулись к «молодым».

– Так, – сказал Рябой (он явно был в этой компании за лидера), – начнем с... – Он обвел взглядом пугливо жавшихся новобранцев, усмехнулся и указал пальцем на Алика Риневича, – ...с тебя, белобрысый. Ну-ка, выйди из коллектива.

Алик послушно сделал шаг вперед.

– Молодец, – кивнул Рябой, повернулся к дедам и спросил: – Кто займется этим?

– Я, – сказал Валек и медленно, враскачку двинулся к Риневичу.

– Повернись спиной, – на ходу скомандовал Валек.

Алик нахмурился. Ему не понравились ни тон деда, ни его приказ. Сердце Алика учащенно забилося, но он сделал над собой усилие и спросил, стараясь, чтобы голос звучал твердо и уверенно:

– Зачем?

Валек сплюнул на кафельный пол и гортанно проговорил:

– Ну повернись, повернись. Че ты, в натуре, стремишься? Не съем же я тебя.

Еще секунду Алик стоял в прежней позе, затем, видимо решив пока повиноваться, пожал плечами и повернулся к Вальку спиной.

– Вот так, – одобрил Валек. Он протянул руку, и один из дедов вложил в нее широкий солдатский ремень с сияющей медной пряжкой.

– Теперь снимай трусы и становись раком, – скомандовал Валек.

– Чего? – не понял Алик.

– Ты че, «молодой», оглох? Снимай, сука, трусы, пока я тебе башку бляхой не разбил!

Алик повернул голову и недоверчиво посмотрел на Валька. Лицо Риневича было бледным, побелевшие губы мелко подрагивали. На какое-то мгновение в серых глазах промелькнул ужас, но Алик вновь взял себя в руки.

– Да вы че, пацаны? – произнес он дрогнувшим (не удалось сдержаться) голосом. – Seriously, что ли?

Рябой хмыкнул:

– А ты че думал, играем? Не бойся, дух, в дырку жарить не будем. Мы же не педики. Так, поставим пару печатей на батоны, и все. Не помрешь.

Валек понадежнее перехватил конец ремня, угрожающе тряхнул здоровенной медной пряжкой и нетерпеливо приказал:

– Давай уже, дух, не тяни. Снимай трусы. Перед смертью все равно не надышишься.

На этот раз Алик повернулся к Рябому грудью, расправил плечи и тихо, но угрюмо произнес, глядя деду прямо в глаза:

– Не буду.

Рябой, выступивший вперед, криво ухмыльнулся и прищурил водянистые глаза.

– Че ты сказал? – прошепелявил он.

– Я сказал – не буду, – повторил Алик Рябому.

Рябой удивленно выпятил нижнюю губу и кинул дедам через плечо:

– Видали, пацаны, как молодой борзееет. – Затем сказал, понизив голос и обращаясь уже к Алику: – Ну все, дух, молись. Пи...ц тебе пришел.

Рябой угрожающе набычился и двинулся к Алику. Но тут из группы новобранцев выступил Генрих. Он встал между Аликом и Рябым. От неожиданности Рябой остановился.

– А ты чего? – спросил он.

– Ничего, – ответил Генрих. – Тронешь его, получишь по зубам.

Алик положил Генриху руку на плечо и осторожно, но настойчиво отстранил его.

– Я сам разберусь, Геня, – спокойно сказал он. – И не такую шваль дома гасил. Так чего ты там, прыщавый, гнал?

– Это ты меня прыщавым обозвал? – с мягкой, коварной улыбкой осведомился Рябой.

Алик кивнул:

– Тебя, Прыщавый.

Рябой продолжал улыбаться, но его обезображенное язвами лицо налилось кровью и покраснело. Он покосился на дедов и тихо процедил сквозь зубы:

– Белобрысого не трогать. Он – мой.

В это время Валек, стоявший за спиной у Рябого, незаметно намотал конец ремня на кулак и медленно двинулся в обход Алика и Генриха. Остальные деды также рассредоточились, окружая бунтовщиков плотным кольцом.

3. Схватка

И тут Алик вновь почувствовал дикий, животный страх. Он видел, что все деды сжимают в руках солдатские ремни, и знал по рассказам отслуживших друзей, каково это – получить медной пряжкой в висок или в лицо.

Физическая боль ужасала Алика Риневича. У него был низкий болевой порог, он готов был упасть в обморок от простой зубной боли. Но Алик никогда и никому не признавался в этом, чтобы не испортить себе репутацию в глазах друзей и приятелей, среди которых он считался отчаянным хулиганом.

Хорошо, конечно, что Геня Боровский здесь. Но что он может, этот пацифист и хлюпик? Алик уважал Боровского и любил его, но это было там, на гражданке. А здесь другие правила и другие законы. Здесь нужно быть жестоким зверем, чтобы выжить, а Геня... Разве Геня способен быть жестоким?

Деды продолжали окружать Алика и Генриха. Сердце Риневича сжалось от ужаса. Будь он не один, а в толпе, он бы не испугался. Риневич не был трусом, но для того, чтобы вести себя мужественно и отчаянно, он должен был чувствовать спиной поддержку. Он должен был чувствовать, что он – член команды, готовой в любой момент прийти ему на помощь, сколь бы малой эта команда не была.

Но сейчас ситуация была иная. Разве можно назвать командой группу перепуганных пацанов, прижавшихся к стене. Да еще этот Геня... Пока он не выступил, был шанс как-то договориться с дедами, получить по заднице, но не упасть при этом лицом в грязь. Но после того как Боровский заслонила его от Рябого, Алик вынужден был принять вызов. Он вынужден был нахамить «дедам»; вынужден, потому что в противном случае он бы уступил роль крутого парня «пацифисту и хлюпику» Боровскому. А этого никак нельзя было допустить.

Все эти мысли почти молниеносно проносились в светловолосой голове Риневича. Несмотря на липкий страх, стянувший нутро Алика железным обручем, бойцовский опыт помогал ему трезво оценивать ситуацию. А где-то в глубине души уже заворчалось холодноватое чувство восторга, которое он всегда испытывал, когда драка начиналась, и когда на переживания и страх уже не оставалось ни времени, ни сил.

«Белобрысого не трогать. Он – мой». Так сказал Рябой. Значит, другие деды его трогать не будут. Что ж, это уже хорошо. Рябой – парень невысокий, но крепкий. Низкая стойка, короткие, мускулистые руки. И еще – у него нет ремня. Он будет драться голыми кулаками. Отлично! Главное держать этого кабана на длинной дистанции, и возможно, все закончится хорошо.

– Че, белый, обоссался? – хрипло проговорил Рябой. Он сжал кулаки, и Алик, от внимательного взгляда которого не укрылось это движение, внутренне сгруппировался.

И тут вдруг случилось нечто совершенно необычное.

Высокий, худой Леня Розен, который до сих пор стоял, скрестив на груди руки и глядя расширившимися от ужаса глазами на приближающихся дедов, вдруг заорал что есть мочи и молниеносным движением, как мегера или гарпия, прыгнул на Рябого, впившись ногтями ему в лицо.

Деды отшатнулись от молодых, перепуганные этим безумным криком и яростным броском Розена. Леня же, крича и хрипя, продолжал яростно рвать ногтями прыщавое лицо Рябого. Рябой, закричав от боли, принялся кружиться и мотать головой, изо всех сил стараясь оторвать от себя бешеного «духа», но это ему никак не удавалось.

Наконец деды пришли в себя.

– Духи забурели! наших бьют! – крикнул Валек и бросился на новобранцев, со свистом рассекая воздух широким ремнем.

Алик поднырнул под медную пряжку, просвистевшую у него над головой, и встретил Вальку правым хуком в челюсть. Валек отлетел к стене, но тут уже остальные деды оправились настолько, что ринулись в бой, размахивая пряжками.

Завязалась драка.

Несколько минут в смешавшейся толпе новобранцев и старослужащих слышались звуки ударов, вскрики, стоны и пыхтенье.

Геня Боровский (даром что пацифист) разил врагов могучими кулаками направо и налево, едва успевая уворачиваться от медных пряжек. Его правый глаз был подбит, из рассеченной губы струилась кровь, но, опьяненный битвой, он не замечал увечий. Дрался Геня холодно и расчетливо, стараясь не просто махать кулаками, а попадать противнику в уязвимые точки.

Алик Риневиц, напротив, дрался не помня себя, как одержимый или бешеный. Страх окончательно покинул его душу, уступив место клокочущей, восторженной злобе. Его левое ухо, по которому пришелся удар пряжкой, кровоточило и раздулось, но он не обращал на это внимания. Он бил куда придется, ощущая кулаками чужую жесткую плоть, отдающую в суставах пальцев тупой болью.

При этом он выкрикивал яростным, хриплым голосом:

– Получи, сука! Лови плюху! Гаси его! Ага!

На какое-то мгновение Алик увидел перед собой разодранное в кровь лицо Рябого. Кровь вызвала у него смешанное чувство горячий, требующей выхода злобы и брезгливости. Он что было сил ударил по этому лицу. А потом еще раз. И еще.

– Оставь его! – рявкнул в ухо Алику Боровский. – Убьешь!

Но Алик продолжал бить по ненавистному, омерзительному лицу. Что-то хрустнуло у него под кулаком, и лицо исчезло. «Готов!» – пронеслось в голове у Алика. Он испытал волнующее, ни с чем не сравнимое чувство торжества.

В тот же момент в голове у него что-то треснуло. Под черепом ухнул оглушительный колокол, и желтая пелена затянула глаза. Звуки окружающего мира стали глухими, как будто их отделили от Алика толстой стеной. А ноги стали ватными, и Алик почувствовал, что больше не опирается на них, но не падает, а уплывает куда-то, уносимый горячим, тягучим, тошнотворным потоком.

Тут Алика вдруг затошнило, и он потерял сознание.

4. Лазарет

Открыв глаза, Алик увидел прямо перед собой белую стену. Чувство пространства возвращалось к нему медленно. Лишь через минуту он понял, что стена – это вовсе не стена, а потолок. А сам он не стоит и не сидит, а лежит на мягкой, пружинистой кровати. И еще он понял, что горячий, сухой обруч, больно стягивающий ему голову, это всего-навсего медицинский бинт.

– Ну что, очнулся? – услышал он у себя над ухом знакомый голос.

Алик слегка повернул голову, и его тут же замутило. Алик опустил веки. Даже двигать глазами было больно и противно. Едва справившись с тошнотой, Алик снова открыл глаза и посмотрел на человека, который с ним говорил. Это был Геня Боровский. Все его лицо было в синяках и кровоподтеках. К щеке был приклеен багровый и грязный пластырь.

– Что?.. – прошелестел Алик, разлепив опухшие губы. – Что произошло?

– Мы с тобой в лазарете, старик, – спокойно и весело ответил Геня. – Драку помнишь?

– Помню.

– Ну вот. Нас с тобой слегка помяли, поэтому мы здесь.

Риневич сглотнул слюну и сказал дрогнувшим от неприятного и пугающего предчувствия голосом:

– У меня что... череп сломан?

Геня усмехнулся:

– Ага, щас. Разбежался. Все в порядке с твоим черепом. А вот мозги тебе слегка встряхнули – это да. Сотрясение у тебя, старик. Простое сотрясение.

Алик с облегчением ощутил, как с его души свалился камень. Он вновь почувствовал себя живым. Пульсирующая боль в голове сразу же стала вполне терпимой, и даже тошнота стала не такой явной и навязчивой.

– Значит, сотрясение, – проговорил Алик. Посмотрел на покалеченное лицо друга и спросил: – А ты? Что с тобой?

Геня махнул рукой:

– Да ничего страшного. Пара ушибов, да вот гематома на щеке. Врач сказал, что до свадьбы заживет.

– Понятно, – вновь прошелестел Алик.

Морщась от боли и тошноты, он привстал на кровати и оглядел палату.

– Жить можно, – сказал ему Геня.

– Да... – отозвался Алик. – Можно...

Лицо Гени вдруг стало озабоченным.

– Со здоровьем у нас больших проблем нет, – сказал он. – Но у нас есть другие проблемы. Офицеры в связи с дракой подняли большую бузу. Допрашивают всех поодиночке. Так что, если тебя будут спрашивать, не говори им про драку. Скажи – упал, и все. Понял?

– Угу. А как эти... деды?

Геня усмехнулся:

– Хорошо мы их помяли. Рябого в райцентр увезли. Говорят, у него сломаны челюсть и нос. Ну и еще что-то там, я уже не помню. Вальку сломали палец. Нечем теперь будет в носу ковырять. А так – синяки и ушибы. Ничего, в общем, страшного. – Геня улыбнулся и, прикрыв глаза, слегка покачал головой. – А хорошая была драка, – сказал он. – Давно я так душу не отводил.

– Да уж, – нехотя подтвердил Алик. – А что с этим... с бешеным? Ну с тем, который на Рябого кинулся?

– С Леней Розеном, что ли?

– Ну да.

– Все в порядке. Я его потом спрашивал, зачем он это сделал. Так он и сам толком не знает. Злость, говорит, накатила. Надоело на эти фашистские морды смотреть. Молодец пацан. Тощий, но жилистый. – Геня как-то неопределенно усмехнулся и спросил: – Кстати, ты замечал, какое у него лицо?

Алик припомнил лицо Розена. Оно было тонким, как у девушки, и большеглазым. Даже странно, как это человек с таким нежным личиком смог так смело ринуться в бой.

– Ну и какое у него лицо? – спросил Алик.

Боровский подумал и сказал:

– Эффектное. Как у киноактера. Он, оказывается, в театральное поступал. В Щукинское училище. Но его не приняли. Сказали, что у него проблемы с шипящими.

– С чем? – переспросил Алик.

– С шипящими, – повторил Геня. – Это такие звуки. Он их плохо произносит. Так он теперь над ними работает по специальной системе. После армии опять поступать будет.

– Сам-то он цел? – спросил Алик.

Боровский кивнул:

– Да. Только пальцы себе ободрал об рожу этого ублюдка.

– По-бабски дрался, – неодобрительно заметил Риневич.

Геня пожал плечами:

– Ну и что? Какая разница, как драться? Главное – победить, на то она и драка. – Боровский с усмешкой глянул на друга: – Ты вот тоже не совсем честно кулаками махал. Я даже подумал, уж не взбесился ли ты.

– Это когда?

– Когда ты прыщавого после Розена добивал.

Алик поморщился:

– Эту мразь вообще убить мало.

Геня хотел что-то возразить, но тут за дверью палаты раздались голоса и шаги.

– Врач идет, – быстро сказал Геня. – Помни, что я тебе говорил: никакой драки не было. Ты просто споткнулся и упал, понял?

– Угу. А это... не слишком глупо?

Геня махнул рукой:

– Да какая, к черту, разница. Им и самим выгодно это дело замять. Так что любое объяснение примут. Главное, стой на своем и про драку ничего не говори.

Геня шагнул к угловой кровати и юркнул в свою постель.

Глава третья

Сколько веревочке ни виться...

1. Бизнесмен Ласточкин

Председатель совета директоров МФО «Город» (и, как его называли журналисты, главный финансист акционеров компании «Юпитер», которую возглавлял пребывающий ныне за решеткой Генрих Боровский) Антон Павлович Ласточкин с раннего утра пребывал в дурном расположении духа. И не только духа, но и тела. Вечером предыдущего дня ему довелось присутствовать на юбилее одного очень старого и очень уважаемого человека. Ну и, конечно, пришлось выпить.

Начиналось все со здравицы в честь юбиляра, которую Ласточкин произнес экспромтом и в рифму («Гостующий пьет до дна!» – орали гости). Затем юбиляр вдруг захотел выпить за Антона Павловича (гости мгновенно переориентировались и теперь уже заставили выпить до дна «тостуемого», каковым на этот раз оказался Ласточкин). А там уже закрутилось и завертелось – бокал за бокалом. И так до полного помутнения сознания, чего Антон Павлович практически никогда себе не позволял.

Еще вечером, добираясь домой, он был крайне недоволен собой. Сквозь дурман и пьяный кураж в хмельной голове вертелась вполне трезвая мысль: «Тони, ты напился как свинья. Завтра тебе будет стыдно и плохо». Ласточкин пытался заглушить упреки внутреннего голоса залихватской песней, но ему это плохо удавалось. Уж так устроено в природе, что за все вечерние и ночные удовольствия приходится расплачиваться утром. Вот и на этот раз внутренний голос не обманул Ласточкина. Утром Антону Павловичу было так плохо, что и словами не опишешь.

Едва открыв глаза, он снова их закрыл, не выдержав яркого света, бьющего из окна. Лоб и виски готовы были взорваться от боли, а десна и язык высохли и распухли, как будто он сорок дней бродил по пустыне без капли воды.

Будучи человеком волевым, Антон Павлович заставил себя подняться с постели. Но лишь для того, чтобы добраться до бутылки с ледяной кока-колой и крана с холодной водой. Освежившись, Ласточкин почувствовал себя немного лучше.

Едва он перевел дух, как в дверь позвонили.

Антон Павлович натянул махровый халат и, слегка пошатываясь, подошел к двери. Выглянув в глазок, он увидел женщину средних лет со скучным, ничего не выражающим лицом.

– Кто там? – морщась от боли, спросил Ласточкин (каждое сказанное слово отзывалось у него в голове мощным набатом).

– Вам повестка! – ответила невыразительная женщина. – Получите и распишитесь.

«Какая еще, к чертям собачьим, повестка?» – недовольно подумал Ласточкин и, секунду поколебавшись, открыл дверь.

– Вы Ласточкин? – спросила женщина, окинув его опухшую физиономию хмурым взглядом.

– Он самый, – проворчал Антон Павлович. – Ну и где ваша повестка?

– Вот она. – Женщина протянула ему конверт с синей печатью. Затем достала из сумки журнал и ручку, раскрыла журнал, протянула ручку Ласточкину и сказала: – Распишитесь, где галочка.

Все еще плохо соображая, Антон Павлович взял ручку (конверт с печатью он держал в другой руке) и размахисто расписался в журнале.

– Это все? – поднял он взгляд на женщину.

Та кивнула:

– Да. До свидания.

– Прощайте.

Невзрачная женщина развернулась и ушла. Ласточкин закрыл дверь, прислонился спиной к стене и, зевнув, распечатал конверт, даже не глянув на обратный адрес. Вынув из конверта листок бумаги, Антон Павлович некоторое время держал его в подрагивающих пальцах, щурясь на мелкий шрифт. Потом лицо его выразило удивление, затем на смену удивлению пришло возмущение – Ласточкин нахмурил брови, прорычал что-то неприличное и, смяв листок в руке, с силой швырнул его в угол прихожей.

Он был рассержен, оскорблен и... – чего уж греха таить – изрядно напуган.

Да и как тут не испугаться, когда тебе присылают повестку на допрос, да не куда-нибудь, а в самую Генеральную прокуратуру! И фамилия у следователя истинно басурманская – Гафуров. Что-то в этой фамилии было неприятное, что-то, от чего хотелось зажать пальцами нос, поморщиться и сказать: «Фу-у-у».

Окончательно проснувшись, Ласточкин, кряхтя и чертыхаясь, наклонился и поднял с пола смятый листок. Расправил его и еще раз прочел мелко набранный текст. Так и есть – вызов на допрос.

По-прежнему держа повестку в руке, Антон Павлович сел на стул и задумался. Что бы это все могло значить? Под него стали копать? Но зачем? Кому это могло понадобиться? И самое главное – какое дело хотят ему пришить? У Ласточкина были на этот счет определенные догадки, и догадки эти касались одного из его друзей и коллег по бизнесу, который уже черт-те знает какие сутки пылился на тюремных нарах. И звали этого человека Генрих Боровский.

«Может, все еще и обойдется? – меланхолично подумал Антон Павлович. – В конце концов, обвинить меня в чем-то можно, но доказать это будет ой как нелегко. Во-первых, нужно позвонить адвокату. А во-вторых... Вот он-то и подскажет, что нужно сделать во-вторых! Главное – никакой самодеятельности».

Многолетняя привычка во всем доверять профессионалам заставила Ласточкина взять с полки телефон и набрать номер адвоката Райского.

Больничная палата была небольшой – Антон Павлович сам так захотел. Он не любил пафоса и помпезности ни в чем, а уж тем более в таких деликатных вещах. Тем не менее палата была чистой и опрятной. На окнах висели приятные, радующие глаз шторы, стены покрывали бежевые обои (любимый цвет Ласточкина), в углу пристроилась светлая тумбочка, а на ней – цветной телевизор. Возле кровати Антона Павловича стоял небольшой журнальный столик. Свежая пресса, пара книг, карандаш для пометок, Библия и портативный компьютер – вот и все, что лежало на этом столике. Аскетично, но уютно.

Нельзя сказать, что Антон Павлович прятался в больнице от правосудия. У него и в самом деле прихватило сердце после получения повестки и разговора с адвокатом Райским. Адвокат не смог сказать ему ничего утешительного, лишь посоветовал «тщательней следить за своим здоровьем и не загружаться выше крыши всякими проблемами». Совет был дельный, но – в свете нынешних происшествий – абсолютно неприменимый.

Едва положив трубку на рычаг, Антон Павлович тут же почувствовал давящую боль в сердце. Зная наследственную слабость своей сердечно-сосудистой системы, он, не мешкая ни секунды, вызвал «скорую». Боль в сердце неприятно поразила Ласточкина, но дальше было еще страшней: по дороге в больницу Антон Павлович дважды терял сознание, что для креп-

кого сорокалетнего мужика (каковым до сих пор считал себя Ласточкин) было случаем экстраординарным.

Антон Павлович не на шутку перепугался. А безжалостный пожилой врач, вместо того чтобы успокоить бизнесмена, подтвердил самые мрачные его опасения.

– У вас микроинсульт. Придется полежать пару недель в больнице, – таков был его диагноз.

«Вот и началось, – с тоской подумал Ласточкин. – А раз началось, то уже никогда не закончится». Что именно имел Антон Павлович в виду – свою ли болезнь, вызов ли на допрос в прокуратуру – на этот вопрос он бы и сам не смог точно ответить.

Одно было ясно: он был несчастен и чувствовал себя ужасно.

2. Адвокатский ход

Гафуров сдвинул к переносице черные тонкие брови и строго посмотрел на Райского, который пару минут назад появился в его кабинете.

– Господин адвокат, я вызывал на допрос бизнесмена Ласточкина, а не вас. – Тут Гафуров нахмурился еще больше и сказал, повысив голос: – Где он?

Несмотря на резкий тон, каким встретил его «важняк» Эдуард Гафуров, адвокат Райский оставался спокойным и невозмутимым. Глаза его смотрели доброжелательно, а на губах застыла вежливая полуулыбка.

– К сожалению, господин Ласточкин не может явиться в прокуратуру, – сказал Райский. Гафуров усмехнулся, блеснув золотым зубом, и поднял черную бровь:

– Да ну? И что же ему помешало?

– Внезапная болезнь, – ответил Райский и, вздохнув, печально потупил глаза. – Антон Павлович в больнице. В кардиологическом отделении. Если вы по-прежнему хотите задать ему вопросы, вам придется приехать туда самому.

Гафуров недовольно крякнул и побарабанил смуглыми пальцами по столу.

– Значит, вот как, – прищурившись, сказал он.

Райский кивнул:

– Именно так. И никак иначе. – Он поднял руку и, откинув белоснежный манжет рубашки, посмотрел на часы. – Кстати, я сейчас как раз собираюсь к нему. Если хотите, могу вас подбросить.

– Подбрасывают улики, – недовольно отозвался Гафуров. – А меня вы можете подвезти. Райский улыбнулся и миролюбиво ответил:

– Это как вам будет угодно. Но для начала... – Улыбка его стала еще теплее: – Эдуард Маратович, не могли бы вы мне сказать, что вы инкриминируете моему клиенту?

Гафуров приосанился и изрек:

– Мы инкриминируем ему кражу у государства двухсот миллионов долларов... – Подумал и добавил: – США.

Райский снисходительно улыбнулся, словно ему сказали нечто такое, что иначе чем бред сивой кобылы и не назовешь.

– Каким же образом он мог их украсть? – спросил Райский. – И когда?

Гафуров блеснул золотым зубом.

– А это нам расскажет сам господин Ласточкин, – в тон адвокату ответил он. – Кажется, именно его банк был посредником при одной любопытной сделке... э-э... – Гафуров щелкнул пальцами, – ...в тысяча девятьсот девяносто четвертом году. Помните, та самая сделка, когда ЗАО «Берег» приобрело на конкурсной основе двадцать процентов акций ОАО «Недра»? Или вы не в курсе?

Теперь уже Райский нахмурился.

– Могу я узнать, кто инициировал возбуждение этого дела?

– Можете, – кивнул Гафуров. И заговорил сугубо официальным тоном: – Уголовное дело против Антона Ласточкина было возбуждено Генпрокуратурой после проверки обращения заместителя председателя Комитета по экономической политике и предпринимательству Госдумы Бориса Юркина. Юркин поставил под сомнение легитимность совершенной в девяносто четвертом году сделки с ОАО «Недра». Таким образом, мы имеем все основания подозревать миллиардера Ласточкина в хищении двадцати процентов акций ОАО «Недра», принадлежащих государству.

Повисла пауза. Гафуров любовался произведенным эффектом, а Райский с выражением крайней удрученности на лице обдумывал слова следователя. И так, тучи сгустились над голо-

вой Генриха Боровского. А то, что всплывшее вдруг дело с акциями «Недр» было направлено главным образом на Боровского, Райский не сомневался.

Дело обещало быть сложным и громким. С одной стороны, это было хорошо. С другой... Райский собирался съездить в отпуск куда-нибудь на южное море, бывший сокурсник, любитель дайвинга, звал его поплавать с аквалангом, «погарпунить золотых рыбок», как он выражался. И Райский склонен был согласиться. Но теперь об охоте на «золотых рыбок» можно было надолго забыть. Что ж, ничего не поделаешь, работа есть работа.

– Гм... Понятно, – сказал наконец Райский. – Что ж, если вы не заняты, мы можем ехать. После перенесенного микроинсульта Антон Павлович чувствует себя не очень хорошо, однако на пару ваших вопросов он вполне может ответить. Так что, едем?

Гафуров внимательно посмотрел на Райского, чуть заметно усмехнулся, кивнул и ответил:

– Едем.

Разговор с Гафуровым произвел на Антона Павловича Ласточкина удручающее впечатление. Опасаясь ловушек, почти каждый свой ответ он согласовывал с адвокатом Райским, нашептывая ему на ухо слабым голосом, и лишь получив необходимые инструкции, отвечал. Ответы Ласточкина не отличались разнообразием и были в основном односложными: «да», «нет», «не совсем». Самые многословные были примерно такими: «нет, я ничего об этом не знаю», «мне нечего об этом сказать», «мне нужно просмотреть деловые бумаги, чтобы ответить вам точно, а пока...» Далее следовало пожатие плечами и печальный вздох.

«Важняк» Гафуров был спокоен и холоден. Он то и дело вглядывался в лицо бизнесмена пристальным и жестким взглядом, как бы говорящим: «Давай-давай, дружок, юли, крутись, выворачивайся, но все равно ты не уйдешь от расплаты. Мне известно про все твои преступления. И уж будь спокоен, я сделаю все, чтобы надолго упрятать тебя за решетку». Ласточкина пристальные взгляды следователя выводили из себя и заставляли нервничать. И Гафуров, видя это, вглядывался в лицо бизнесмена все пристальнее и холоднее, наслаждаясь властью над запуганным, больным человеком.

Напрасно Райский пытался смягчить атмосферу шутивым тоном и бодрым, веселым голосом. Разговор Гафурова и Ласточкина все больше походил на беседу кровожадного Сфинкса и случайного путника, на свою беду попавшего в лапы к этому неугомонному монстру.

Наконец Антон Павлович не выдержал. Он прижал ладонь к груди, придал своему лицу выражение невыносимого страдания и сказал голосом слабым и ломким, как березовый прутик:

– Простите, господа, но мне что-то не по себе. Не могли бы мы отложить наш разговор до лучших времен? Боюсь, что я еще слишком слаб для обстоятельной беседы.

Райский посмотрел на Гафурова.

– Вы задали несколько вопросов и получили несколько ответов, – учтиво сказал он. – Учитывая состояние здоровья моего клиента, я думаю, что для первого допроса этого вполне достаточно.

Гафуров медленно покачал головой.

– Я так не думаю, – возразил он. – Но, учитывая состояние здоровья вашего клиента, готов отложить продолжение допроса до лучших времен. – Он встал со стула, одарил Ласточкина еще одним пристальным взглядом и с усмешкой сказал: – Поправляйтесь, Антон Павлович. Вы нам *очень* нужны.

Ласточкин побледнел. Гафуров, удовлетворившись этим, повернулся и направился к выходу. Покидая палату, он громко хлопнул стеклянной дверью, заставив Ласточкина вздрогнуть.

– Каков подлец, – простонал Антон Павлович, как только дверь за следователем закрылась. – Ему бы только в гестапо работать.

– Да уж, – уклончиво отозвался адвокат. – Сложный человек. Впрочем, в Генпрокуратуре простых не держат. – Райский посмотрел на бледного Ласточкина, покачал головой и добавил: – Вы плохо выглядите, Антон Павлович. Я позову врача.

3. Изюм из булочек

Арест бизнесмена Ласточкина насторожил Александра Борисовича Турецкого. Его не покидало ощущение, что вся эта история, лихо закрученная прокуратурой и активно раздуваемая прессой, шита белыми нитками. Этим он и поделился с женой за ужином.

Ужинали они в маленьком китайском ресторанчике, который открылся неподалеку от их дома и куда жена Ирина любила захаживать – иногда просто для того, чтобы выпить чашку зеленого чая.

– Ты посмотри, какой здесь колоритный зал! – восхищенно говорила она мужу, оглядывая многочисленные ширмочки и огромные веера, развешанные по стенам. – Такое чувство, как будто мы за тысячу километров от дома. А дом-то – вон он, совсем рядом!

В ответ Александр Борисович скептически пожимал плечами. Он не разделял восторгов жены. Он предпочитал ужинать дома. Борщ, пельмени, жареная курочка, котлеты и макароны с подливкой – простая домашняя кухня нравилась «важняку» гораздо больше здешней экзотики.

– Ни за что на свете не стану есть еду, которая называется «сычуанской», – сердито отзывался он. – Меня от одного названия мутит.

– Между прочим, твои любимые пельмени были изобретены в Китае, – информировала Ирина своего строптивного мужа. – И они есть в меню.

К третьему посещению ресторанчика Турецкий вполне смирился с неаппетитными названиями блюд. Даже глупая улыбка на круглом лице официантки-казашки, изо всех сил изображающей китаянку, перестала его раздражать. Ирина Генриховна одержала очередную победу над мужем и в глубине души торжествовала.

За совместными ужинами Турецкий часто делился с Ириной своими мыслями и соображениями относительно дела, которое он в данный момент вел. Так было и на этот раз. Ирину скепсис мужа не удивлял. Она давно привыкла к тому, что Турецкий ничего не принимает на веру, не имея веских доказательств или хотя бы гипотез, имеющих «правдоподобный вид» (как выражался сам Александр Борисович). В шумихе, поднявшейся вокруг компании «Юпитер», возглавляемой Боровским, ему виделся чей-то злой умысел.

– Пойми, дорогая, в нашем деле случайностей почти не бывает, – сказал Турецкий, запив свинину с ананасами китайским пивом и поморщившись. – Конечно, случается, что одно дело тянет за собой другое. Но здесь не тот случай.

– Почему ты так в этом уверен? – поинтересовалась Ирина.

Турецкий пожал плечами:

– Ну, во-первых, интуиция.

– О, простите, мистер Холмс! – шутливо воскликнула Ирина. – Продолжайте, пожалуйста.

– А во-вторых, я знаком с материалами дела Боровского. Конечно, кое-что там есть, но... – Он вновь пожал плечами. – Все это похоже на изюм из булочек.

– Из каких булочек? – не поняла Ирина.

– Ну вот смотри. Допустим, тебе понадобился изюм, чтобы положить его в плов, так?

– Так.

– А под рукой у тебя этого изюма нет. Зато есть целая куча булочек с изюмом. Что ты будешь делать?

Ирина усмехнулась:

– Ну, по крайней мере, не стану ковырять булочки, чтобы достать из них изюм.

Турецкий кивнул:

– Вот именно. А тут такое ощущение, что перелопатили гору булочек, в надежде достать хоть что-нибудь. А когда хочешь достать хоть что-нибудь, ты это «что-нибудь» обязательно наковыряешь.

– Даже если булочки без изюма? – усомнилась Ирина.

Турецкий отпил пива, снова поморщился и ответил:

– В этом случае изюм можно заранее туда запихать. А потом «найти». Время от времени такое случается. И не делай таких изумленных глаз.

Ирина Генриховна и впрямь насмешливо выпучила глаза, изображая изумление. Но Турецкий, судя по его озабоченному виду, не настроен был шутить, поэтому Ирина ответила серьезно:

– Что ж, тебе виднее. Ты можешь наблюдать эту чехарду изнутри, а я знаю только то, что говорят по телевизору. А что, ты и в самом деле, думаешь, что Ласточкина арестовали, чтобы прижать Боровского?

– Не знаю, золотце, не знаю. Я не занимаюсь делом Ласточкина. А что касается Боровского... тут тоже все покрыто туманом и мраком. Сам он упорно отмалчивается. Как будто нарочно роет себе могилу.

– Или боится, что по неосторожности может сказать что-то такое, что принесет вред не только ему, но и его близким людям, – заметила Ирина. – Впрочем, это мое субъективное женское мнение. Тебе на него конечно же наплевать.

– Ну почему же, – возразил Александр Борисович. – Женщины тоже иногда бывают правы. Особенно ты. – Он с любовью посмотрел на жену и, улыбувшись, добавил: – Ты у меня удивительно проникательная женушка!

– С кем поведешься, от того и наберешься, – парировала Ирина.

Турецкий вновь улыбнулся и сказал:

– Спасибо.

– За что? – подняла брови Ирина.

– Не так уж часто ты говоришь мне комплименты.

– Не так уж часто ты на них напрашиваешься, – с прежней иронией ответила Ирина. – Ты собираешься вникать в детали дела Ласточкина?

Турецкий задумался, покручивая на столе высокий стакан с недопитым пивом. Ирина смотрела на него внимательно и уважительно (она знала, что мужу нравится, когда она так на него смотрит, и изредка баловала его этим взглядом). Наконец он ответил:

– Дело ведет Гафуров. Если честно, мне этот парень не по душе...

– Да, ты что-то о нем рассказывал, – кивнула Ирина.

– Обращаться к нему за помощью... – Турецкий дернул плечом.

– Бесплезно? – спросила Ирина.

– Не то чтобы бесполезно, но *малоинформативно*. Это довольно скользкий тип. И скользит он, как правило, в том направлении, в каком ему укажет Казанский.

Ирина задумчиво наморщила лоб:

– Ты говорил, но я забыла – это какой-то ваш начальник?

– «Какой-то», – шутливо передразнил Турецкий. – Казанский – это начальник Следственного управления Генпрокуратуры. А Гафуров из тех, кому карьера дороже истины, поэтому он легко повернется туда, куда подует ветер.

Ирина деловито кивнула:

– Ага, ясно. И что ты намерен делать?

– Хочу поговорить с журналистами, – сказал Турецкий. – По части добывания информации они настоящие доки. Помнишь Семена Комарова?

– Того самого? Журналиста?

– Угу.

– Помню.

– Я ему сегодня звонил. Он обещал свести меня с одним обозревателем, который знает историю Ласточкина как свои пять пальцев.

– Откуда такая осведомленность?

– Он написал о Ласточкине и его банке цикл статей в «Финансовом еженедельнике». Статейки я просмотрел, но хочу еще раз услышать всю историю из уст самого обозревателя. От и до.

– А с Гафуровым этот твой обозреватель уже говорил?

Александр Борисович покачал головой:

– Нет. Гафуров с ним даже не встречался. Гафуров вообще ведет себя так, словно ему известны все тайны вселенной. А зачем человеку, который знает все тайны вселенной, встречаться с какими-то журналистами?

– Как зачем? – насмешливо спросила Ирина. – Ведь их можно посадить! Разве не в этом заключается ваша работа?

– Отчасти и в этом, – спокойно ответил Турецкий, привыкший к ерничанью жены. – Но только если будет дан такой приказ. А пока приказа нет, они могут гулять спокойно.

– Ну слава богу. Тогда давай закажем вина и выпьем за свободу!

Турецкий приподнял бровь и удивленно посмотрел на жену.

– Но сегодня только четверг, – возразил он.

Ирина пожала плечами:

– Ну и что? Зато завтра до обеда у меня нет занятий, и я буду отсыпаться.

– Как скажешь, дорогая, – сдался Турецкий, повернулся и жестом подозвал лунолицую официантку.

4. Эстрадный номер

На следующее утро у Турецкого было много бумажной работы. Протоколы, отчеты и информационные справки, которые требовалось подшить в дело, были разложены по столу. Время от времени Александр Борисович закуривал сигарету, откидывался на спинку стула и с ненавистью оглядывал все это бумажное «сокровище».

Он вдруг вспомнил, что где-то за границей группы мусульманских террористов заворачивают в свиные шкуры, чтобы они не попали в мусульманский рай. «Мое тело завернут в эти бумаги, – со злорадной грустью подумал Турецкий. – Тогда я не то что в рай, в чистилище не попаду».

На столе зазвонил телефон. Турецкий взял трубку:

– Да.

– Алло, Александр Борисович?

– Он самый.

– Здравствуйте. Я – Олег Попов.

– Правда? – Турецкий усмехнулся и протянул руку за пачкой сигарет. – А я – Юрий Никулин. Как насчет совместного эстрадного номера?

На том конце провода повисла пауза.

– Простите, вырвалось само собой, – повинился Турецкий. – Вы Олег Иванович Попов, обозреватель «Финансового еженедельника», так? – Турецкий закурил и помахал рукой, отгоняя от лица дым.

– Совершенно верно, – отозвался Попов. – Вот уж не думал, что у сотрудников Генпрокуратуры есть чувство юмора.

– В Генпрокуратуре все есть. Даже свои клоуны. Семен передал вам мою просьбу?

– Да. Я поэтому и звоню.

– Где и когда мы встретимся?

– М-м... Ближайшие полтора часа у меня загружены... Что, если часика в два в каком-нибудь кафе? Вас это устроит?

– В два? – Турецкий прикинул в уме, сколько времени ему понадобится, чтобы закончить работу с бумагами, лежащими у него на столе, и кивнул: – Вполне. Где вам удобней?

– Где-нибудь в центре. Знаете ресторан «Пироги»?

– Это где на стенах полки с книгами?

– Точно.

– Что ж, давайте. Если мне не изменяет память, там подают не только домашние пироги, но и неплохую маринованную говядину.

– Отлично. Тогда давайте на первом этаже. На мне будет коричневый вельветовый пиджак.

– Заметано. Только не опаздывайте. У меня времени тоже в обрез.

Журналист клятвенно пообещал прийти вовремя, и Турецкий положил трубку на рычаг.

Олег Попов пришел вовремя. А вот Турецкий на пятнадцать минут опоздал.

– Пробки, – объяснил он, усаживаясь за столик.

– Бывает, – кивнул журналист.

Несмотря на столь знаменитое имя, Олег Попов вовсе не был похож на клоуна. Это был сухопарый молодой человек со строгим лицом, высоким лбом с залысинами и тонкими, поджатыми губами инквизитора.

Он сухо поздоровался с Турецким, в то же время внимательно и несколько неприязненно буравя его небольшими черными глазами. Было видно, что он не питает теплых чувств к

представителям закона, вероятно считая их всех продажными и подлыми людьми. Турецкому было прекрасно знаком такой тип журналистов. Жизнь научила их не доверять людям, поэтому им трудно было менять свои убеждения. Впрочем, Александра Борисовича это нисколько не напрягало, поэтому он не обратил на неприветливый тон Попова никакого внимания.

Александр Борисович заказал себе чашку кофе, и беседа началась.

– Итак, вы хотите узнать подробности дела Ласточкина, – проговорил Попов сухим, строгим голосом. – Но вы понимаете, что я могу дать вам лишь свою оценку событий? И она не обязательно совпадет с вашей.

Турецкий кивнул:

– Прекрасно понимаю. Свою оценку я знаю сам. А вот ваша меня весьма и весьма интересует.

Журналист чуть склонил голову, пытаясь понять, какой тайный смысл вложил Турецкий в эту фразу, но, видимо, никакого тайного смысла не обнаружил, а потому стал еще суровее.

– Прежде всего, я хочу сказать, что не верю в вину Антона Ласточкина и считаю это дело целиком и полностью сфабрикованным, – грубовато изрек журналист.

Сказав это, Попов снова внимательно уставился на Турецкого, оценивая эффект, произведенный только что произнесенными словами. Но лицо Александра Борисовича было абсолютно непроницаемо. Поэтому Попову ничего не оставалось, как продолжить:

– Дело крутится вокруг акций фирмы «Недра». Десять лет назад ЗАО «Берег» на конкурсной основе приобрело двадцать процентов этих акций. А «Берег» в то время контролировался банком «Город», которым руководил Антон Ласточкин. Впрочем, зачем я вам это рассказываю? Вы ведь в курсе, да?

– Как сказать, – сказал Турецкий, достал из пачки сигарету и вставил ее в рот. – Что-то я знаю, что-то – нет. Рассказывайте все по порядку, так вам и самому будет удобнее.

– Хорошо, – согласился Попов, подождал, пока Турецкий прикурит, и продолжил: – Одним из условий договора являлось то, что победитель конкурса должен был взять на себя определенные обязательства. А именно – выполнить заведомо нереальную инвестиционную программу. Дело в том, что стоимость приобретенных «Берегом» акций составляет что-то около двухсот двадцати пяти тысяч долларов. А инвестировать в ОАО «Недра» следовало двести восемьдесят миллионов долларов. В частности, фирма «Берег» должна была погасить задолженность фирмы «Недра» перед энергетиками, построить в Мурманске Дом малютки, пивной завод и другие социально значимые объекты.

– Да уж, значимые, – хмыкнул Турецкий. – Особенно пивной завод.

– Мурманская областная прокуратура, – продолжил Попов, – тут же подала в арбитражный суд иск о признании конкурса недействительным. Судебная тяжба длилась два года. За это время фирма «Берег» успела частично выполнить свои обязательства по инвестированию – примерно на сумму одиннадцать миллионов долларов.

Несмотря на это, в Фонде федерального имущества вдруг решили, что «Берег» не справляется со своими обязательствами, и подали иск о возврате акций.

– Те самые двадцать процентов?

– Да. Стоимостью двести двадцать пять тысяч долларов. Но к тому времени хозяева «Берега» не могли этого сделать, поскольку акции уже были перепроданы. К тому же они были не согласны с решением Фонда федерального имущества. Они ведь уже инвестировали в «Недра» одиннадцать миллионов долларов и не собирались списывать эти деньги со счетов. Их можно понять, правда?

– Ну, разумеется, – кивнул Турецкий. – Моя жена лишнего червонца со счетов не спишет, не то что миллионы долларов. Продолжайте.

Попов продолжил:

– Два года назад Фонд изменил свои требования и попросил взыскать с «Берега» вместо перепроданных акций пятьсот миллиардов рублей. В зачет убытков. «Берег» не стал спорить, и в конце две тысячи второго года эта сумма была перечислена на счет Фонда.

– Какую роль во всем этом играл Антон Ласточкин? – спросил Турецкий.

Попов пожал плечами:

– Сейчас это трудно сказать. Но лично я уверен, что к «хищениям» акций он отношения не имел. – В кармане у журналиста запиликал телефон. – Простите, – сказал Попов, достал трубку и приложил ее к уху. – Слушаю... Да... Нет... Что?.. Ну, почему же, я готов... А попозже нельзя?.. Хорошо, я подъеду.

Журналист убрал телефон в карман, посмотрел на Турецкого и сказал извиняющимся голосом:

– Александр Борисович, простите, но мне нужно идти.

– Это настолько обязательно? – поднял брови Турецкий.

Попов вздохнул:

– Увы. Срочное дело. Я и сам не ожидал.

Журналист бросил на стол деньги за кофе, встал и протянул руку Турецкому:

– У меня есть ваш телефон. Постараюсь позвонить вам сегодня вечером. Еще раз простите за то, что отнял у вас время.

– Ничего, переживу.

Турецкий пожал журналисту руку, тот еще раз извинился и ушел.

Александр Борисович отхлебнул кофе и достал еще одну сигарету. Встреча с журналистом не принесла желаемых результатов. Впрочем, Турецкий понял, что ничего нового Попов сообщить ему не сможет. Стандартный набор фактов, который можно прочесть в любом журнале, не говоря уже о материалах дела Ласточкина, которые Александр Борисович успел просмотреть.

Еще раз ознакомившись с этими материалами сегодня утром, Турецкий пришел к выводу, что здесь налицо гражданско-правовой конфликт, подлежащий разрешению со стороны арбитражного суда. Отсюда можно было сделать вывод, что дело против Ласточкина было возбуждено безосновательно и по «заказу». Но Александр Борисович никогда не спешил с выводами.

Размышляя, Турецкий докурил сигарету, выплеснул в рот остатки остывшего кофе, и к тому моменту, когда подошел официант со счетом, в его голове уже созрел план дальнейших действий.

5. Депутатский запрос

Олег Иванович Юркин, тот самый депутат Госдумы, который послал депутатский запрос относительно «криминальной» деятельности бизнесмена Боровского, а позже и Ласточкина, сидел перед Турецким и неприязненно поблескивал глазами из-под насупленных бровей. Он был весь какой-то всклокоченный и нахохленный, этот Юркин. Всклокоченные седоватые волосы, встопорщенный пиджак, явно не подогнанный по фигуре, даже косматые брови и те грозно топорщились в разные стороны, как крылья лохматой птицы. Да и кабинет у него был какой-то неуютный. Слишком функциональный, что ли. Ни тебе картинки на стене (кроме портрета любимого президента), ни фотографии жены и детей на столе – ничего такого.

Турецкий заговорил с ним предельно вежливым и мягким тоном:

– Скажите, Олег Иванович, вы послали этот депутатский запрос по своей инициативе?

Юркин фыркнул:

– Что это за вопрос такой? Ну, конечно, по своей! По чьей же еще? – Он хищно прищурился на Турецкого. – А что вы вообще имеете в виду?

Турецкий вежливо улыбнулся:

– Олег Иванович, не стоит принимать мои вопросы в штыки. Мы с вами просто разговариваем.

Юркин грозно нахмурил брови:

– Вот именно. Но я хочу знать, что вы имели в виду, когда задавали этот вопрос?

– Что я имел в виду? – Турецкий задумчиво потеревил пальцами плохо выбритый подбородок. – Ничего особенного. Просто я подумал, вдруг вам кто-нибудь позвонил и попросил это сделать? Всякое ведь бывает в жизни. Допустим, идея у вас созрела давно, но не было... как бы это сказать... толчка извне. Знаете, как у художников и поэтов? Замысел они вынашивают годами, а потом р-раз – сели и написали гениальную вещь.

– Какой еще толчок? – скрипуче и подозрительно спросил Юркин. – На что это вы намекаете? Не было никакого толчка! Я просто выполнил свой депутатский долг, вот и все. И нечего разводить здесь инсинуации!

Турецкий вздохнул.

– Хорошо, – сказал он, – я понял. Значит, запрос вы написали просто по вдохновению. Решили – и написали. Так?

Юркин кивнул:

– Так. Если называть «вдохновением» долг перед своим народом.

– Но почему вдруг вы решили выполнить свой долг именно таким образом?

– Как это почему?! – вновь взвился депутат. – Неужели такие вещи нуждаются в объяснении? Депутат – это выразитель чаяний народа. Когда одни жируют и воруют, а другие прозябают в нищете – разве это справедливо? – Юркин яростно усмехнулся и покачал головой: – Нет! Люди вправе знать, куда и на что тратятся богатства их земли. А значит, и их собственные богатства. – Он подозрительно прищурился на Турецкого: – А сами-то вы что, с этим не согласны, так я понимаю?

– Ну почему же, – пожал плечами Александр Борисович. – В принципе, вы абсолютно верно рассуждаете. Вот только...

– Что?

И тут в лице Турецкого произошла разительная перемена. Оно слегка вытянулось, осунулось и стало сухим и строгим, как у школьного учителя. Его серые глаза сверкнули холодным блеском. Турецкий прищурился, резко подался вперед и сказал голосом веским и ледяным, как у прокурора, обличающего преступника:

– А то, уважаемый Олег Иванович, что ни черта у вас не сходится. Ясно вам? Не сходится.

– То есть как это не... – испугался Юркин. – Позвольте!.. Вы что же, в чем-то меня подозреваете?

– Я подозреваю вас в том, что вы говорите ложь! – резко сказал Турецкий. – Между прочим, за дачу ложных показаний у нас в стране предусмотрена уголовная ответственность.

– Ка... какая ответственность? – побледнев, проговорил Юркин.

– Уголовная! – грозно прорычал Турецкий. – И если будете юлить, я сделаю все, чтобы испортить вам жизнь.

– Мне? Жизнь? – Испуг у депутата прошел, и теперь глаза его загорелись яростью, обидой и негодованием. – Перестаньте! – обиженно проговорил он. – Слышите, перестаньте разговаривать со мной таким тоном! Я вам не мальчишка какой-нибудь! Я – народный депутат! И пусть борзописцы обвиняют меня в чем хотят! Пусть пишут в своих гнусных статейках, что я действовал «по заказу»! Да если и так – ну и что с того? Какое, собственно, им до этого дело? А если заказ совпадает с моим личным мнением, а? А если я нашел истинных единомышленников? – Юркин говорил все яростнее и горячее, явно потеряв осторожность. Он почти кричал. – Неужели господа борзописцы думают, что нас, честных людей, мало? Что мы не найдем помощи, если захотим? Или что другие честные люди, радеющие за благо государства, не могут обратиться к нам за помощью? Могут! И мы им поможем! Поможем, потому что у нас одно общее дело – посадить преступников в тюрьму! И каждый честный гражданин обязан оказать государству помощь, если государство обратится к нему с такой просьбой! И...

Внезапно Юркин осекся и уставился на Турецкого так, словно только что его увидел. Затем он явно сконфузился (видно, увлекшись демагогией, позабыл, что он здесь не один, и слишком уж сильно разоткровенничался) и, слегка порозовев, проговорил:

– Впрочем, вы не должны расценивать эти мои слова в том смысле, что я действовал по чьему-то наущению. Я абсолютно не это имел в виду.

– Я понимаю, понимаю, – кивнул Турецкий. – Вы имели в виду только то, что имели.

– На что это вы намекаете? – нахмурившись, спросил Юркин.

Турецкий усмехнулся:

– Упаси меня Боже на что-либо намекать. Я имею в виду только то, что, выражаясь подобным образом, вы выражали именно то, что выражали, и имели в виду только то, что хотели иметь. Но я не имею в виду выражения, в которых вы это выражали. Вот и все.

Юркин озадаченно посмотрел на Турецкого. Александр Борисович невинно ему улыбнулся и уточнил:

– Значит, вам надоело терпеть беспредел, который творят в стране олигархи, и вы решили прижать их к ногтю. И решение это вы приняли сами, без чьего-либо совета. Я все правильно понял?

Юркин долго молчал. Видимо, насмешливая тирада Турецкого расстроила какую-то микросхему в его мозгу, и случился сбой программы. Затем депутат устало вздохнул и ответил с обидой в голосе:

– Я не говорил, что ни с кем не советовался. Но это уже мое личное дело, с кем мне советоваться. Между прочим, мне очень странно, что следователь из Генпрокуратуры разговаривает со мной подобным тоном. Ведь преступник не я, а он – Боровский. И его приспешник Ласточкин. И сколько веревочке ни виться... исход известен! С этими мерзавцами вы должны разговаривать таким тоном, а не со мной. – Юркин посмотрел на часы, затем перевел взгляд на Турецкого и сказал: – Знаете что, Александр Борисович, я думаю, что наша встреча закончена. Я сказал вам все, что мог сказать. Большого от меня не ждите.

На этом разговор был закончен.

Расставшись с Юркиным, Турецкий был на девяносто процентов уверен, что депутат поет с чужого голоса. Слишком глупым, трусливым и мелким человеком он был, чтобы решиться самостоятельно бросить вызов самым богатым людям России. Но кто именно нашепывал на ухо Юркину нужные слова? С чьего голоса он пел и что именно задумал этот таинственный змей-искуситель, работающий «во благо государства»? Это еще предстояло выяснить.

6. Гафуров

Завидев идущего по коридору Гафурова, Турецкий поморщился. Этот человек был ему неприятен, и Александр Борисович подозревал, что чувство его взаимное. Однако Гафуров шел навстречу, и от рукопожатия было не отвертеться.

Гафуров широко улыбнулся Турецкому – искоркой сверкнул золотой зуб:

– А, Александр Борисович! Наше вам!

Они остановились и пожали друг другу руки. Турецкий хотел было идти дальше, но Гафуров его удержал.

– Послушай, старик, – обратился к Турецкому Гафуров со своей извечной восточной загадочной полуулыбкой, – зачем тебе это надо, а?

– Что именно? – не понял Турецкий.

Гафуров дернул уголком рта:

– Брось, старик. Ну зачем ты копаешься в деле Ласточкина? Тебе что, своего дела мало?

Турецкий ничего на это не ответил, тогда Гафуров продолжил:

– Я слышал, генеральный страшно недоволен тем, что ты так долго с ним возишься. Дело то пустяковое. Повздорили два толстосума, один другого пришил. Сажай этого фраера, и дело с концом. Народ тебе только спасибо скажет. И то дело – Боровский не только Риневича той пулей пришил, но и на своей паразитической деятельности крест поставил. Как говорится – одним выстрелом двум зайцам яйца отстрелил!

Гафуров рассмеялся, довольный своей шуткой, но Турецкий оставался серьезным.

– Мне бы твою уверенность, – негромко проворчал он.

Гафуров перестал смеяться и удивленно приподнял черные «шамаханские» брови:

– А что у тебя за сомнения? Ведь убийство-то было при свидетелях. Да и Боровский твой вроде бы не отпирается. Я же говорю – дело левое. Ты становишься излишне щепетильным, Турецкий. И это не к добру.

Турецкий небрежно пожал плечами и сказал:

– Посмотрим. Извини, мне пора.

Он повернулся, чтобы идти, но Гафуров сказал ему в спину:

– Ласточкину не отвертеться. Я кое-что раскопал.

Турецкий остановился и обернулся:

– Что?

– Я говорю, Ласточкин влип. Интересный фактик: глава администрации закрытого города Лесной в Свердловской области незаконно предоставил «Юпитеру» налоговые льготы на сумму девять миллиардов рублей. Часть соглашений с администрацией города Лесной подписана Антоном Ласточкиным. Так что он влип.

– Это предположение или у тебя есть факты?

Гафуров самодовольно кивнул:

– Есть. Все есть. От этого он уже не отвертится.

Турецкий посмотрел Гафурову в глаза и сказал с легкой усмешкой:

– Что ж, если он виноват, то он ответит. Извини, у меня много дел.

Он отвернулся и зашагал по коридору.

– Только не лезь в мое дело, Турецкий! – крикнул ему вслед Гафуров. – Не наступай мне на пятки! Я этого не люблю!

– Ничего, полюбишь, – проворчал себе под нос Турецкий, но оборачиваться не стал.

Гафуров постоял, посмотрел ему вслед, затем пожал плечами, повернулся и пошел по своим делам.

Глава четвертая Разные судьбы

1. Телки

– Пятнадцать... Шестнадцать... Семнадцать... Восемнадцать... Девятнадцать... И... Давай, Геня, жми! Не позорь мою больную голову!.. Двадцать! – объявил Алик Риневич и пару раз хлопнул в ладоши, изображая бурные аплодисменты.

Боровский спрыгнул с турника на землю и, тяжело дыша, отошел в сторону, уступая место другому бойцу. Риневич подошел к нему и одобрительно похлопал по потной лопатке:

– Молодец, мужик. У меня больше восьми никак не получается.

– А больше и не надо, – хрипло выдохнул Боровский.

Алик покачал головой, окидывая взглядом плотную, мускулистую фигуру Боровского, и сказал:

– Не скажи. Бабы любят амбалов. Мне бы такие бицепсы, как у тебя, я бы пол-области перетрахал. Кстати, Геня, нынче делаем ноги.

Боровский вытер ладонью пот со лба и хмуро посмотрел на Алика:

– Опять в самоволку? Куда на этот раз?

– Да мы тут с ребятами прошерстили окрестности и нашли неподалеку клуб. Тут, в соседней деревне.

– И че там?

– Че, че! Телки! Одна другой лучше. И во-от с такими буферами. – Алик показал, с какими. – А рядом хата, где самогонкой можно разжиться.

– Опять напьешься, и башка с утра будет раскалываться, – неодобрительно сказал Геня. – Мало тебе того сотрясения? Тебя вообще должны были демобилизовать, а ты тут в Максима Перепелицу играешь.

Алик поморщился (он терпеть не мог, когда друг начинал его поучать):

– Да ладно тебе нудить. Не демобилизовали же, значит, все в порядке с башкой.

– Просто скандала не хотели, – сказал Боровский.

Алик махнул рукой:

– Че теперь-то об этом базарить? Все уже позади. Короче, ты идешь или нет?

Генрих подумал и ответил:

– Нет.

– Ну и дурак, – пригвоздил его Алик. И сердито добавил: – Сиди тут и дрочи, как старый пень. А мы с пацанами развлечемся как следует.

– Рядовой Риневич, к перекладине! – раздалась команда.

Алик вздохнул, тихо матюкнулся и медленно, вразвалочку двинулся к турнику.

А к Генриху подошел еще один приятель – невысокий, тощий и шустрый – по кличке Заноза. Заноза весело посмотрел на Генриха и спросил:

– Слышь, Боровский?

– Чего? – с неохотой отозвался Генрих. Этот мелкий, язвительный и болтливый парень был ему не по душе.

– Ты че, в натуре, с нами не идешь?

Генрих покачал головой:

– Нет.

– А че так?

– Не хочется.

– Чего? Баб? – съязвил Заноза. – А кого хочется?

Генрих метнул на него грозный взгляд, и Заноза примирительно поднял руки:

– Молчу, зёма, молчу. Уж и пошутить нельзя.

Заноза отошел, но еще некоторое время ехидно косился на Боровского.

Генрих сел на лавочку, рядом с Леней Розеном.

– В самоволку, что ли, зовут? – спросил Розен.

– Ну.

Леня внимательно посмотрел на Генриха.

– А ты? – спросил он.

– А я не собираюсь, – ответил Боровский.

– Ясно.

Некоторое время они молчали. Генрих незаметно поглядывал на Розена. Парень и впрямь был очень красив. Точеный профиль, нежная кожа, бархатистые глаза – прямо Ален Делон в молодости. Леонид перехватил взгляд Генриха, и тот поспешно отвел глаза. Теперь уже Розен разглядывал лицо Боровского. Это вывело Генриха из себя.

– Чего ты на меня так смотришь? – сурово спросил он.

Розен усмехнулся:

– Да так, ничего. Нравишься ты мне.

Боровский повернулся к Розену и сдвинул черные брови:

– В каком смысле?

– В прямом, – с прежней полуулыбкой, полуусмешкой ответил Леонид. – Как мужчина.

Боровский покраснел и торопливо оглянулся – не слышал ли кто признания Розена? Но рядом никого не было, бойцы сгрудились у турника. Леонид заметил беспокойство Боровского и сказал с какой-то непонятной печалью в голосе:

– Да ладно, Генрих, не напрягайся, я пошутил.

– А я и не напрягаюсь, – отозвался Боровский, стараясь придать своему голосу легкомысленный тон.

– Вот и молодец, – ответил Розен.

Несколько секунд они сидели молча, не глядя друг на друга. Обоим вдруг стало страшно неловко. И если преобладающим чувством Боровского был стыд, то Леня Розен чувствовал только боль.

Наконец он поднялся со скамьи, тихо произнес: «Так держать, Геня» – и, по-прежнему не глядя на Боровского, направился к остальным парням.

Генрих посмотрел ему вслед и почувствовал непонятную тоску. Он понял, что то, чего он так боялся, произошло. И произошло давно. Теперь уже можно... нет, нужно было себе в этом признаться.

Это было через несколько дней после той памятной драки с «дедами». Едва только улеглись страсти, Леонид Розен подошел к Боровскому и сказал:

– Твои синяки уже проходят. Ты стал выглядеть лучше.

– Хочется верить, – усмехнулся в ответ Генрих. – Ты тоже неплохо выглядишь.

Розен улыбнулся своей ясной, чистой улыбкой.

– Да, – сказал он. – Шрамов на лице не останется, а это самое главное. Ты ведь знаешь, как важна для актера внешность.

– С твоей внешностью все в порядке, – заверил его Боровский. – Так что держи хвост пистолетом. Мы еще автографы у тебя брать будем.

Он хотел хлопнуть Розена по плечу, но сдержался. Внутренний голос сказал ему, что этого не следует делать, что проявлять дружеские чувства таким пацанским способом будет

не совсем кстати. Слишком уж хрупким и нежным цветочком был этот Розен, слишком уж женственным. Хотя дрался он, конечно, как лев. Генрих улыбнулся своим мыслям.

– Ты чего улыбаешься? – спросил его Леонид.

– Да вспомнил, как ты кинулся на этого уroda. Я чуть сам не обделался от страха.

– Не преувеличивай, – весело отозвался Розен. – Я всю драку провисел на плечах у Рябого, а вот ты... Ты здорово дрался, Генрих.

Продолжая улыбаться, Розен посмотрел на Боровского долгим и каким-то отстраненно-задумчивым взглядом, словно строил по отношению к нему в мыслях какие-то планы.

– Расскажи мне, как ты жил на гражданке? – попросил Леонид.

Генрих пожал плечами:

– Да как жил, как все. Пил пиво, куролесил... Ничего особенного.

– И по девчонкам, наверно, ходил?

В обращении между парнями слово «девчонки» почти не употреблялось. Они заменяли его на «бабы», телки, «феи» и прочие лихие словечки из лексикона записных бабников. «Девчонками» парни называли только своих постоянных подруг, тех, кто (как они надеялись) ждет их дома и скучает по ним. Например, «дома у меня есть девчонка, вернусь – поженимся» или «моя девчонка сейчас, наверно, в универе, эх, хоть денек бы с ней сейчас погулять», и тому подобное.

Поэтому Боровскому стало как-то неловко. В отличие от слова «телки» слово «девчонки» настраивало на какой-то лирический и очень серьезный лад.

– Девчонки, наверное, от тебя были без ума? – снова сказал Леонид.

– А то! – залихватски ответил Боровский. – По телкам мы с Аликом любили пройтись. Были у нас и молодые, и старые. Как говорится, хрен ровесников не ищет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.